

16+

И. Колынин
А. Демьяненко

Божественная трагедия

**Андрей Демьяненко
Игорь Колынин
Божественная трагедия**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38008579

SelfPub; 2019

Аннотация

Остросюжетный приключенческий роман о поиске сокровищ для любителей приключенческих романов, исторических детективов и головоломок в духе Дэна Брауна. Действие происходит в Петербурге, Германии, Италии и за несколько тысячелетий в Междуречье. Обнаружение части древнего амулета сталкивает и объединяет троих людей: Макса – заблудившегося по жизни десантника, Барта – любителя острых ощущений американца-интеллектуала и Марлен – мистически и суицидно настроенного психолога. Конечно они соберут все части амулета, но поможет ли это решить их собственные проблемы? Нити разных судеб связаны одним узлом, в котором лежит исторический пазл.

Содержание

Цепочка первая	5
Шаг 1. Ангел	5
Шаг 2. Великаны и полурослики	14
Полшага назад. Слова и рождение	24
Шаг 3. Огненный день	27
Шаг 4. Увертюра для циркуляционных пил	43
Шаг 5. Клиент через «О»	49
Шаг 6. Сменить русло	53
Полшага в сторону. Праздник города Урук	63
Шаг 7. Старый знакомый	69
Шаг 8. Работа для кладоискателя	74
Шаг 9. Рыба и работа	78
Шаг 10. Полный засвет	84
Шаг 11. Работа липнет	89
Шаг 12. История карты	98
Шаг 13. Вызов любимого	104
Полшага за грань. Энки	110
Шаг 14. Магический круг разомкнут	118
Шаг 15. Любитель карт	123
Шаг 16. В мире много непонятного	126
Шаг 17. Водить за нос	133
Конец ознакомительного фрагмента.	138

БОЖЕСТВЕННАЯ ТРАГЕДИЯ

**Божественную жизнь до середины вечности
Прошло любое Божество
И стало неожиданно – крупницей человечества.
(«Ад», XXXIV, 1 – 3)
неДанте**

2016

Цепочка первая

Шаг 1. Ангел

Жизнь её кончилась.

Вечер сначала осторожно заглядывал в окно, затем стал просачиваться в пустую, тихую квартиру.

Затекал упругими струями в неплотности широкого окна, обращался змеями, обвивал и душил.

Марлен не раз думала, что жизнь кончилась, но теперь это стало истиной.

Первый раз ощущение пришло, когда расстались родители. Детское сознание не принимало этого. Мать уехала в Америку, она осталась с потерянным отцом. Они жили на окраине Риги.

Угрюмые железобетонные новостройки только усугубляли удушающее чувство безысходности. В течение года Марлен после школы садилась на троллейбус, проезжала три остановки и выходила в старом городе. Гуляла допоздна, стараясь заполнить, внутреннюю бездну уютом извилистых улочек, витыми булочками с корицей и изюмом, наблюдениями за людьми, стараясь разглядить душевные складки утюгом прогулок. Люди были разные, все интересные... Кто-то тупостью, кто-то динамичностью, кто-то стремлением сориги-

нальничать.

Паноптикум иностранцев. Аккуратные и вежливые скандинавы, осматривающие территории для новой колонизации, мрачные преддефолтные русские, еще не избалованные десятилетием высоких нефтяных цен, и не еще воспринимавшие Латвию, как дешевый публичный дом с вкусной едой, развязные англичане, с криками перемещающиеся из бара в бар, и наслаждающиеся прелестью низких цен на пиво и красотой балтийских девушек. Ну и, конечно, сами рижане, со своими радостями, проблемами, счастьем, неурядицами, ожиданиями, разочарованиями, безразличием, тревогой, уверенностью.

Марлен пыталась сама для себя ответить на вопрос, что думает этот человек, что он чувствует, чем живет. Именно тогда она начала придумывать этим людям судьбы, тогда же находить в цепочках шагов придуманных персонажей ключевые решения, которые изменяли плетение цепочек. Марлен с довольствием смотрела на эти трансформации.

Такие игры помогали. Бездна сжималась и забивалась под камень души. И почти не беспокоила.

Именно тогда она решила стать психологом. Чтобы не разваливались семьи, а ежели и разваливались, чтобы осколкам не было так больно сознавать, что они были частью чего-то целого.

Отец ушел из её жизни позже, когда устроил свою судьбу. Она была взрослой, но ей казалось, что если любить, так

любить всю жизнь. И до сих пор не простила ни мать, ни отца. Она понимала, что в её принципах перекося, но ничего не могла поделать.

Марлен тоже решила изменить жизнь. В тот момент все ее одноклассницы и однокурсницы уехали в Германию или Англию. Почти все устроились, но не так как мечтали и жаловались по скайпу на отсутствие хорошей работы, на негласный, но ощутимый национализм европейцев, не позволяющий делать карьеру, на понаехавших эмигрантов. А она решила по-другому. И уехала в Россию. В Петербург. По-русски она говорила хорошо, с легким прибалтийским акцентом. А Россия на тот момент пухла от денег за распродаваемые недра. В стране работало множество экспатов, которым совершенно необходима была психологическая помощь: привыкнуть к жизни вне дома, к другой стране, к ссылке в дикую и недружелюбную страну. В Москве, конечно, экспатов было на порядок больше, но сильная негативная энергетика Москвы вытолкнула Марлен на Комсомольскую площадь к «Сапсану». В Петербурге она устроилась в медицинский центр и оказывала психологическую помощь иностранным сотрудникам европейских, американских и японских компаний.

Подруги «вздыхали», завидовали ей, соперничали, хвастились, злились. Да подруги ли это были? Анита, славная, душевная, слегка симпатичная толстушка звала в Англию, но, судя по всему, ей одной было тяжело снимать комнату на окраине Лидса. Кристина, яркая блондинка с завышенным

самоуверенностью, наоборот, говорила что Марлен нечего жаловаться, поскольку в Германии настоящий ад, если работаешь на vierhundert euro Arbeiten. Марлен топила одиночество в шоппинге, и трындеже про тряпки, и от этого становилось хуже, это еще больше подчеркивало ее убогость.

Марлен стала хорошим психологом. Но не настолько, чтобы помочь себе.

Когда не стало Алекса, её первой и единственной любви, она хотела прекратить своё существование. Жизнь настолько потеряла вкус, что даже соль казалась пресной.

Алекс... Он был её солнцем, её землей, её воздухом. Он разбился и она с ним. У неё не было ни рук, ни ног. Расплющена голова, вырваны легкие. Теперь её жизнь снова кончилась. Сегодня ей сказали, что она не сможет иметь детей.

В двадцать семь лет в очередной раз жизнь прекратилась. Алекс работал шеф-поваром в ресторане «Речка» на Крестовском острове. Он был неаполетанцем, горячим, страстным, вспыльчивым, веселым, легким и тяжелым одновременно. И очень любил гонять на мотоцикле.

После гибели Алекса Марлен искала мужчину с желанием обычного, человеческого счастья. Или призрака счастья... Иллюзии. Встречались интересные люди. Но когда она танцевала с ними, а затем спала, понимала, что танцует и спит с гномами, даже если они и были выше неё.

Сегодня ей сказали, что у нее не будет детей. Последний аборт не был удачным.

Мир схлопнулся. Полная пустота – вакуум. Осталась работа... Хорошая работа помогать людям, и пустое, бесполезное ковыряние в сети по вечерам. Непрерываемое одиночество.

Она пила абсент и завидовала клушам, которые могли родить и которые могли влюбляться или кого-то желать. Шмотки радовали в момент покупки, а в шкафу раздражали, потому что пойти в них было некуда да и незачем.

Абсент пьянил, но не лечил.

Марлен поставила громкую готику и танцевала в покрывах из душащих змей этого вечера. С бутылкой зелёного дурмана в одной руке и пустой стопкой в другой. Её совершенное голое тело то скрывалось в темноте, то вновь прорисовывалось отблесками монитора или лучами фонарей из окна. Изломы длинных тонких рук, метания распущенных волос, прилипающих к мокрой от пота груди, кидания на стену. Марлен не придумывала движения, ее тело пыталось само в последний раз насладиться самим собой, своей свободой, своей энергией, своей красотой.

Она танцевала танец смерти. Марлен решила, что вечер станет последним.

В статусе написала, когда еще было светло: «End of the WORLD».

Ей сыпались бесконечные вопросы: «Как? Что? Почему?» Она проводила много времени в соцсетях, были сетевые дру-

зья. Чаше они были интеллектуальнее «живых» подруг. Но такие люди, сидящие на игле соцсетей, зависимы от собеседника, и удаление страницы или кардинальное изменение статуса может привести их к болезни, суициду, депрессии.

Марлен не отвечала. Намного важнее выбрать способ.

В опьяненном сознании мелькали разные картинки. Ей хотелось уйти красиво. Чтобы и после смерти она выглядела прекрасно. «Таблетки... скорее всего банальные таблетки», – думала она. Только вначале накрась. Ей представилось ее лицо, с идеальным макияжем: тени с золотыми блестками, перламутровый блеск на губах, накладные ресницы Марлен продумала и свое одеяние: Юбка с позолоченной сеткой на поясе, красная блузка, бисерное ожерелье (которое ей подарил Алекс), браслеты на обе руки. Она посмотрела в зеркало: надо бы причесаться, и заплести ленту. Маникюр бы еще сделать – красный.

Песня затихла. И внимание Марлен привлекло сообщение.

«Давай познакомимся», – было прозаичным, но ник писавшего был «Ангел».

Марлен присела к ноутбуку и написала: «Мне нечего тебе дать, Ангел».

Ответ пришел тут же: «Ничего не прошу. Я могу тебе дать!»

Марлен расхохоталась. Еще один неумелый подкат. Как скучно!

«Меня не интересуют пищевые добавки и другие обычные ценности»... – написала она и стерла заменив на:

«И что ты можешь мне дать, Ангел?»

«Уверенность в жизни. Всё что тебе не хватает», – ответил он.

«Это за гранями человеческих возможностей».

То что он написал выбило её из реальности.

«У тебя будут дети, Марлен», – отозвался он.

«Кто ты? Откуда и что ты обо мне знаешь?» – набирала она нервно стуча по клавишам. И ждала, как восхода солнца следующего сообщения, смотря на надпись «Собеседник пишет сообщение»

«Важно ли кто я? Достаточно того, что я знаю – тебе плохо. Это тяжелый период в твоей жизни. Завтра у тебя появится интересный клиент».

Марлен почувствовала дыхание на затылке и будто легкий поцелуй, так Алекс целовал её. Она обернулась – никого.

«Это всё абсент, – подумала она и приложилась к бутылке вновь – не хотела выныривать из этого состояния. Она пила и отправляла огромные сообщения Ангелу. Ей казалось, что Алекс вернулся. Пусть в Сеть. Но он появится и вживую.

Её разговор был обо всём. А Он стал нем. Она так и заснула перед монитором.

Утро было болезненным. Но сообщения не исчезли. И ей стало вдруг мучительно стыдно за свои сообщения, но она

попыталась отстраниться – вчера за нее говорил алкоголь, сегодня – похмелье.

Марлен позвонила на работу и сказала, что будет во второй половине дня. Долго отмокала под душем, смывая сумасшедшую ночь, но надежду было не смыть, предошущение хорошего закралось в душу.

Звонок в дверь вытянул её из ванной.

Стирая капли пушистым полотенцем Марлен прошлепала к двери, оставляя мокрые следы и приложила к глазку.

На площадке стояли два парня. Один высокий, жилистый, второй казался патцанчиком.

«Оглобля с прутиком пришли, – подумала Марлен. – Здесь же не лесопилка! Опять, небось, продавцы чего-нибудь или сектанты»

И не открыла. Ее больше интересовала ночная переписка. Хотелось разобраться. Что это помешательство, навеянное абсентом, или составляющая действительности, аргумент в пользу жизни.

Сообщения из внушающих веру слов существовали независимо от потерявшего смысл субъекта, то есть её – Марлен.

Девушка набрала сообщение: «Спасибо за чудесную ночь, Ангел».

Но абонент по-прежнему молчал.

Она изменила статус на страничке: «Ангел подарил мне крылья»...

Марлен вернулась к началу переписки. Сомнения и боль одолевали. Как она могла поверить?

Она перечитывала и перечитывала фразу: «У тебя будут дети». Таблетки глотать расхотелось. Совершенно.

Шаг 2. Великаны и полурослики

Пространство перед глазами застилала огненная стена. Языки пламени лизали веки. Горячо спать.

Почему и здесь, на чердаке, так неудобно спать? Сны? Человеку, которому редко приходят сновидения такое обилие ночных образов странно, и должно что-то значить. Но что?

Макс распахнул глаза – темень. Только на веках осталась оранжево-огненная обводка.

Он сомкнул веки. Оранжевое схлопнулось в звезду. В камень. Блаженная темнота заполнила небытие. До момента засыпания. И снова – огонь! Из языков пламени вырастали башни кремля, двузубцы стены шевелили языками.

На взрыв телефонной мелодии Макс ответил выстрелом. Он хотел убить эту огненную точку звука, возникшую в его сознании. Шарики пневматического пистолета врезались в темноту, оставшись где-то в чердачных балках.

Это война засела в его сознании. Армия была радостью по сравнению с адом боевых действий. Тогда жизнь становится кардинально другой. Координаты существования вертелись юлой, и ты переставал понимать, где сон, где явь. Где реальность, где иллюзия.

А потом вновь гражданское бытие. И кульбиты координатных осей понимания жизни. И существование это не из самых лучших. По сравнению с тем, останешься ты жив

в следующую секунду или нет, быт казался мелким, пресным... Тошнотворным. Поиск денег, кризисы денежные, обесценивающие заработанное. Кризисы духовные, обесценивающие прошлое. Ложь и правда, законодательные оргии подминающие личности, правительственный предел беспредела и пустые разговоры. К чему это все?

Макс спал с пистолетом, к сожалению пневматическим. Ему казалось, что этот мир прорвется, как бумага и через трещину хлынут враги. А он их встретит горячими пулями.

Но телефонный звонок не успокаивался. Дятлом продалбывал дыры в тишине.

Макс посмотрел на экран мобильного – абонент засекречен.

– Да!

– Что, пьяная скотина, ты собираешься платить алименты?

Макс сразу успокоился, услышав голос бывшей жены. Стервозные женщины его успокаивали.

Здесь не было ни врагов, ни друзей. Серо и однообразно. И мир не был бумажен, он был таким, какой есть. От этого однообразия Макс даже принимался бухать. Но это ухудшало самочувствие и унижало чувство собственного достоинства.

– Да, Света! – сообщил Макс трубке. – Немного удачи в поиске работы и ты озолотишься. И ты знаешь, я трезв.

– А когда будет эта удача? – спокойно поинтересовалась

жена.

Макс выставил руку с пистолетом и прицелился в луну.

Пуф!

Стекло отражающее небо разлетелось вдребезги и осыпалось на керамзит пола.

А все-таки на чердаке было хорошо. Здесь он мог позволить то, что никогда не позволил бы себе в квартире. Вообще, чердак и подвал – это особенные места – другие стороны реальности. Правда, подвал давил проблемами сверху, а на чердаке он сам находился надо всем. А на чердаке он сам находился надо всем. Он часто сбегал сюда к воркующим голубям и воробьям, носящимся под балками.

Чтобы оказаться в другом мире, достаточно залезть на чердак: подняться на последний этаж, взобраться по железной лестнице и – это простаранство! Керамзит под ногами, будто каменистый пляж Ялты... Деревянные балки, словно это не дом современности, а некая древность. Окна на потолке, в которые смотрит небо то звёздное, то лунное, то солнечное. И здесь очень свободно дышится.

– Что там гремит? – поинтересовалась жена.

– Небо, – спокойно ответил Макс. – Понимаешь, Света, я не хотел верить многому, что про тебя говорили...

– Мне наплевать! Что ты там себе надумал! Мы всё будем решать в суде!

– Я тебе сказал: я собираюсь платить алименты...

Макс скинул вызов.

Он уже несколько дней не мог спать в своей квартире, сбегал на чердак. Ему казалось, что потолок комнаты многотонен и ему недостаточно бумажности стен. Макс выходил на чердак и спал там. Благо подобрал ключ. Все подсобики Петербурга обычно запирались. Антитеррористическая программа в одном из своих проявлений.

Чердачные окна смотрели в небо. Макс очаровывался их взглядом. Их синева охлаждала оранжевый пыл его век.

Он мечтал перешибить своими выстрелами из пневматического пистолета одну из балок, поддерживающих крышу. Стрелял почти наудачу. Пояс пуль украшал балку. Дальше дело не шло.

Снова запиликал мобильник. Макс посмотрел на экран. Небо ему нравилось больше.

Бывшая жена возбуждала нездоровые потребности.

Макс поставил одну из книг, которую он читал перед сном, чтобы лучше спалось, к столбу. Звонок сменил на фонарик.

– Секс! – выкрикнул он. – Да здравствует секс!

Он целился в книгу, выписывая слово, и подсвечивал стрельбу фонариком.

Слово легко было распознать в ровно уложенных дырочках. Кое-где шарики оставались в теле книги и блестели. SEX – вот что получилось. Книга была дрянная, что-то из современной бульварщины. Новонаписанное название мало совпадало с содержанием, скорее надо было написать ПОР-

НО. Книгу было не жалко.

«Это лучший секс, который у меня был», – усмехнулся Макс.

Макс взял книгу от столба и бросил к другим. Сверху лежала библия. Он ее читал часто, особенно по ночам. Лучшее снотворное средство сложно было найти. Пол страницы, страница и наваливалась дремота. От чтения не приходило ни успокоение, ни вера. Сон приходил. Но зато Макс неплохо знал текст Библии.

Макс зарядил обойму.

Ярость захлестнула его.

Чердак залило красным, или сознание сыграло с ним очередную шутку. Макс не помнил. Не знал. Разрядил обойму пневматики в балку, которую хотел перешибить.

Плюнув, он завалился на импровизированную постель. Смотрел в небо и ненавидел синий цвет, луну, заглядывающую в окно, темноту. Томик библии. Шум в углу чердака.

Шум? Голуби? Крысы?

Макс заправил шарики в обойму пистолета и направил ствол на шум.

– Эй! Кто здесь?

– Эт я... – откликнулся вяло голос.

От входа показалось пятно света. Макс забыл заблокировать чердачную дверь, что обычно делал, чтобы избежать вот таких появлений.

– Чего надо? – зло бросил Макс. – Хочешь, чтобы я тебе

голову прошиб?

– Простите, если я вас побеспокоил, мне интересно расположение керамзита, – голос был странный, надтреснутый, пьяный и Максу показалось, что с акцентом. Хотя, это могло быть обусловлено заплетанием языка.

– Чего? – Максу очень сильно захотелось кого-нибудь убить, в том числе и этого приползшего сюда сумасшедшего, но любопытство было сильнее.

– Понимаете... – отозвался голос, – все зациклены на противостояниях планет. Парад планет, солнцестояние, лунолежание... А мне кажется, что знаки везде. В трещинах зданий... В снежном узоре на стекле...

Голос был явно с акцентом. Макс видел освещенное снизу лицо. Ему так хотелось засветить несколько шариков в лоб.

– Вали отсюда! – жестко произнес Макс, мысленно добавив: «И твои солнцестояния продлятся».

– Простите! Простите! – заворочался голос – что я нарушил ваш покой. Но мне очень надо.

Максу вдруг стало все равно. Будто огонь погасили.

– Вали, тебе сказали, – прошептал Макс и взял Библию.

Открыл наугад.

«И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения. И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на

головах его семь диадем».

Сон накрыл его колпаком.

Проснулся он от того, что его кто-то обнимает.

– Мать твою!

Это было одним из самых простых выражений использованных Максом, он выложил, наверное, половину сквернословного арсенала. Макс ругался и скидывал бесконечные руки, которые почему-то падали всё равно на него.

Наконец, он избавился от рук и нащупал тяжелую рукоятку. Сразу стало легче.

Макс воткнул ствол в лоб незнакомцу лежащему рядом. Солнце любовалось этой картиной заглядывая через окно, там где недавно была луна.

– Вали отсюда, педик! – прошипел Макс.

Существо зловонно выдохнуло перегаром и залепетало:

– Москва... Москва... Я видел Моску в огне.

Веки Макса вспыхнули оранжевым, но свет дня быстро спрятал это колыхание. Существо просыпаться не стало. Макс спрятал пистолет и встал.

Он смотрел на щупленького человечка с редкой порослью на лице. Возраст его было определить сложно. Ему могло быть как пятнадцать, так и двадцать пять, так и сорок. Хотя... Сорок – вряд ли.

Существо разлепило глаза, затем губы, процесс этот происходил болезненно, будто разлеплялись два куса хлеба смазанные чем-то тягучим.

– Пить, – прохрипел человечек.

Макс достал из-под матраса бутылку.

Незнакомец присосался и задвигал острием кадыка. Глаза выпучились, когда он отлип от горлышка.

– Это... Это вода?..

– Вода, – усмехнулся Макс. – а ты что думал?

– Я думал – водка, – поперхнулся он. – Я как-то в подвале ночевал. Там бомж живет, так он меня с утра водкой напоил. Антизеркальное отражение. Там в подвале – водка, здесь на чердаке – вода.

Акцент был явным.

– Ну, да? – улыбнулся Макс. Этот персонаж начал его забавлять.

– А если отнести эту бутылку в подвал, может вода станет водкой?!

Хоббит, явный хоббит – подумал Макс.

А хоббит встал и пошатываясь, направился к выходу. Тут Макс заметил, что по чердаку раскиданы листы географических карт.

– Э ты куда? – удивился Макс.

Хоббит обернулся изумленно таращась:

– Как куда? В подвал!

Макс засмеялся. Он думал, что весь юмор сосредоточился в сатирических передачах на телевидении и в цирковых клоунах. Ни то ни другое недолюбливал. А здесь повстречался воистину смешной человек.

– Если ты апостол, тогда станет вода станет водкой, – сообщил Макс сквозь смех.

Парень шумно выдохнул, почесал растрепанные волосы, приложился к бутылке. И уставился под ноги. На карты.

– Я думал, что бомжи пьют только водку... – разочарованно протянул он.

– Я не бомж, – откликнулся Макс. – Я живу на третьем этаже.

– А зачем ты здесь спишь? – поинтересовался хоббит.

Макс передернул плечами. Не рассказывать же ему, о бо-
знии обваливающегося потолка.

– Здесь свежее.

Но полурослик уже стоял на четвереньках перед одной из карт и ответ, похоже мало волновал его.

– Знаешь, я вчера вышел на лестницу покурить... Я здесь снимаю квартиру. Стою, пью пиво, смолю. И вдруг... разво-
ды на стекле показались мне необыкновенно знакомыми...

Хоббит смотрел то на карту, то на насыпи керамзита.

– И что? – прервал молчание Макс. Сначала он хотел вы-
толкать щенка с чердака, закрыть вход и идти домой. Но всё,
что ни делал этот убогий, казалось интересным.

– Это мне показалось картой! Освещение все сломало! Ты
знаешь, что мы видим днём, не то, что ночью. Иногда одни
предметы невозможно найти в утреннем освещении!

– А причем здесь карты? – изумился Макс.

– Я слетал домой и притащил карты городов. Я их коллек-

ционировать. И точно разводы на стекле карта Петербурга, с островами с мостами... Дальше смотрю. След на ступени. И там карта. Дверь на чердак на ней краска облуплена – еще кусок карты. Я влез на чердак. А там на керамзите – города! Города! Я вот видишь куски отмечал, которые нашел. А теперь не вижу... День пришел...

Макс приблизился. На карте были действительно обведены карандашом кварталы. Он посмотрел на керамзит. Просто камушки, напоминающие орехи.

Парень же достал фонарик и светил под разными углами на насыпи камушков.

На мгновение Макс показалось, что он видит незнакомый квартал.

– Ты-то сам откуда? – спросил он и картинка рассеялась.

– Нью-Йорк.

Здание пошатнулось. Тут же чердак наполнился дымом и пылью.

– Ё-моё! – только выдохнул Макс, сгреб полурослика и бросился вон с чердака.

Силы в экстремальные моменты появляются, как подземные толчки. Память Макса фиксировала каждую секунду, а новый знакомец, наверное, и не запомнил как оказался на лестничной площадке, минуя люк и железную лестницу. Он тоже похоже делал все на автомате: мчался вниз по лестнице с максимальной скоростью, чтобы не попасть под волну цунами в виде Макса.

Полшага назад. Слова и рождение

Лучи солнца хлынули в окна. Инанна смотрела на стены своих покоев, на красочные драпировки, на бисерные панно. Ее обиталище было соткано из представлений людей, как должна жить богиня. Богиня любви. Богиня плодородия.

Узоры на стенах всегда менялись, представляя собой разные картины. Они никогда не замирали, как в жилищах людей. Иногда они отражали молитвы жрецов, иногда стенания людей, а иногда фантазии самой Инанны. Сейчас узоры на стене рисовали праздник, людской праздник... Вчера они показывали, кажется, колосающиеся поля вокруг города. Завтра они сложатся в другой узор. Отражения людских желаний быстро исчезли, рисунки сами стали двигаться, и показывать уже бескрайнее небо, путь на Луну, путешествия по звездам. Узоры растворяли стены и всё сущее, и из этих частей можно сложить что угодно! От ее трона до края вселенной. Гранит мог стать гранатом, лазурит – небом. Топаз – солнцем. Эти перевоплощения были прекрасны.

– Великая Инанна! – голос, который она слышала чаще других, прервал её понимания.

Инанна отвлеклась от созерцания картин и узоры обрели вид большого зала с людьми в белом.

На коленях стоял Жрец ее Храма.

– Инанна! Инанна! Не оставь меня! Я понимаю твои ве-

ликие заботы в этот царственный праздник!

Инанна устало стала прислушиваться к голосу. Просьбы жрецов она иногда исполняла.

– Жена командующего городской стражей не может родиться! Она умирает!

Инанна выдохнула: «И только-то... Не гаснет солнце, не обрушивается луна, не взрывается земля».

– У тебя, конечно, другие заботы, – стонал Жрец. – Но не омрачи великий праздник смертью роженицы.

Инанна взглянула на стену с узорами. Теперь она видела в огромном зале лежащую женщину. Ее лицо уродовала гримаса боли, и рот постоянно открывался. Вокруг неё толпились бабки, девки, жрецы. Рядом, на коленях мужчину в богатых одеждах держал ее за руку и испуганно смотрел на женщину. Инанна почувствовала страх, исходящий от этого «командующего городской стражи». Он боялся, что может потерять свою женщину, боялся другого будущего, без своей спутницы, без ребенка.

Сколько раз она видела эти сцены. Только они и интересовали ее в мире людей. Рождение жизни. Этот яркий всплеск божественной искры, освещающий и согревающий все вокруг. Первый детский крик давал жизнь и силы всем вокруг. Но рождение могло и убивать. И люди молились Инанне, чтобы она не допустила этого, чтобы мать и дитя не отправлялись в туда, в страну без возврата.

Женщина орала. Вокруг суетились, но помочь не могли.

Женщина скоро умрет. И ее муж, сам отнявший много жизней, понимал это.

Инанна закрыла глаза и представила весь путь, который нужно пройти ребенку, трудный и опасный. Она увидела, как головка ребенка показалась на свет.

Воин плакал и смеялся, временам шипел на повитух и служанок, которые суетились вокруг новорожденного. И в его сердце жило несколько жизней. Его женщины, его ребенка и тоненький волосок его жизни.

Уа! – раздался крик ребенка.

Загомонили бабки, а воин стих. Затараторил Жрец в благодарностях. Но Инанна его уже не слушала. Она открыла глаза и устала вышла на балкон своих покоев, на вершине большого храма, построенного в ее честь, в утробе которого только что родилась новая жизнь.

– Мальчик, – Инанна еще слышала голос жреца, но все слабее и слабее.

Новый человек приобретал свою судьбу. Жрецы на коленах стали петь славу богини.

Инанна сидела на балконе и смотрела на город. Внизу слышалось пение и победный крик новой жизни, а в городе все явственнее нарастало движение праздника.

Шаг 3. Огненный день

Они стояли на улице.

Взрыв произошел в соседнем подъезде. Двор запрудил народ. Народ обсуждал разные версии. О взрыве газа, террористов до инопланетного вторжения. Баба Маша с первого этажа в цветастом сарафане и столь же цветастом платке всегда придерживалась необычных версий. Говорят, ее в молодости похищали инопланетяне, а после этого она двинулась умом. Хотя баба Катя считала, что её похищение было иного плана. Просто не несколько месяцев Машка загуляла с симпатичным иностранцем. И чтобы скрыть свой грешок придумала инопланетность своего исчезновения.

Максу нетерпелось подняться к себе в квартиру, но в дом никого не пускали. Суетились пожарные, таскали кишки от красных машин.

Заслоном стояли полицейские.

«Вот зашибись! – злился Макс. – Мало мне проблем, еще и взрывы мешают».

Парень же был спокоен и даже беззаботен.

«Все события predetermined, – тараторил он. – Я в бессознательном состоянии вижу эти predetermined, как, впрочем, и многое другое. Города на пример».

– Какие predetermined?! – в Максе вдруг снова вспыхнула ярость.

Полурослик беззаботно посмотрел на Макса, словно два ведра воды вылил. И ярость успокоилась.

– Ну как же! – затараторил он вдохновлено. – Любое событие подготавливается цепочкой предыдущих. И не одним событием, а именно несколькими. Это, как график некоторой функции. Линия не может просто сломаться. Ей нужна подготовка, плавное перетекание. Мы часто не видим этого. Это, как фонарик зажженный днем.

Парень посветил в небо фонариком.

Мы видим только яркое пятно лампочек. А луча не видно.

Нужно лишь представить, что кругом ночь, и ты увидишь луч. Некую последовательность...

Когда их пустили в подъезд, парень продолжал тараторить.

Они поднимались по лестнице, а Макс все время думал: «Когда же он отстанет». И наконец, остановившись перед своей дверью спросил:

– Как тебя зовут?

– Барт, – тут же отозвался парень. – Бартоломью. Если удобнее, можно по-русски – Варфоломей.

– Барт, – Макс упустил пояснения. – Слушай, я бы хотел побыть один.

– Да без проблем... – замялся Барт. – А водки у тебя нет?

– Водки нет, – сказал Макс, лишь встряхивая ключи в руке и не открывая дверь.

– Ммм, жаль... жаль! Ладно, пойду, – сообщил Барт. – Встретимся еще. Мы же соседи. Я в сорок седьмой живу.

И сбежал вниз по лестнице.

Макс открыл дверь и прошел в комнату. Кровать стояла у окна, вещи ютились по периметру. Максону нравилось засыпая видеть небо. Теперь на небо смотрел огромный кусок штукатурки, грохнувшийся с потолка. Возлежал огромной, неопрятной, серой кляксой поверх клетчатого пледа.

Макс выругался.

«Теперь еще и ремонт! А ведь могло и прибить!»

Он оглядел огромный шмат штукатурки вместе с частью оплетки. Глянул наверх. Абрис дыры напоминал Евразию.

«Вот почему меня тянуло на чердаке спать», – подумалось Максону. Он достал полиэтиленовые пакеты, предназначенные для похода в магазин или выноса мусора, раскладывал его по пакетам.

– Слушай, – раздался голос, – хотел спросить...

Макс обернулся, на пороге комнаты стоял Барт.

– Ух, ты? Чего это у тебя здесь.

– Да вот... Упало.

– Повезло тебе, – Барт улыбнулся. – Давай помогу.

Не дожидаясь согласия, присоединился к уборке.

Макс был рад – одному разгрести не хотелось. Но все равно буркнул:

– А ты как попал в квартиру?

– Открыто было.

Дверь Макс не проверил, когда заходил, а она действительно плохо закрывалась.

– А чего спросить-то хотел?

– Хотел спросить, не хочешь ли подработать?

– Убить кого-то надо?

– Сдурел что ли? Я мух-то редко убиваю! Я занимаюсь поиском вещей всяких, – Барт подыскивал слово, – необычных. Одному не спродручно. По деньгам, надеюсь, договоримся.

Похоже, Макс начал везти. Последнее время он еле сводил концы с концами, то подрабатывая грузчиком в магазине, то разнося листовки. На другое его не хватало, оттого и вопила бывшая жена. Он уже думал чуть ли не киллером стать.

Барт скидывал куски штукатурки в мусорный мешок.

– Fuck! – воскликнул Барт и отдернул руку. Из ладони текла кровь. – Током дернуло и порезался.

И он приложился губами к ране.

Макс разгреб мусор, в ошметках штукатурки стоял деревянный резной ларец, с трудом поднял предмет. По телу пробежала дрожь. Крышка не открывалась.

«Действительно, будто ток».

– Сокровище, – выдохнул Барт. – Попробуй, попробуй открыть.

– Не открывается. Замка нет. И порезаться вроде нечем...

Барт громко чмокал обсасывая пораненную ладонь.

Макс поставил ларец. Порылся в секретере, достал бинт.

– На, перевяжи.

Барт беспомощно копался с бинтом. Макс перехватил движение Барта и в несколько движений забинтовал ладонь.

– Не туго? – спросил Макс.

Но Барт тараторил:

– А если действительно сокровище? С чего бы вдруг прятать пустой ларец на потолке под штукатуркой?

– Сокровище, – Макс мечтательно улыбнулся. – Это сокровище на башку не упало, – пожаловался он. – Была бы находочка, будь я в кровати.

– Бошку? – переспросил барт. – Что это бошку?

– Голову.

– Аааааа, бошка – значит, голова. Кстати, а может, там голова Гоголя? Ведь ее до сих пор не нашли! Решила вернуться, в Петербурге на Невском пожить.

Макс с сомнением посмотрел на ларец.

– Не влезет, – резюмировал он.

– А она усохла!

– Кости не усыхают, – улыбнулся Макс. – Мозг – да. Может усохнуть. Особенно у алкашей.

Барт расхохотался.

– А было бы здорово найти голову Гоголя.

Макс понял, что Барта не волнует богатство. Ему интересна необычность, небанальный ракурс зрения.

– Слишком тяжелый, – проговорил Макс.

– Так это голова мыслителя!

– Вес мыслей мудреца и дурака одинаков, – грустно улыбнулся Макс.

– Сила воздействия разная! – воскликнул Барт. – Хотя... тоже сомнительное утверждение... – продолжил он. – И что ты собираешься с ним делать? – кивнул на ларец.

– Надо в полицию отнести, – пожал плечами Макс.

Барт саркастически хмыкнул, помотал головой:

– Ага, ты жизнью рисковал. Давай, откроем сначала. Интересно же. Ты отнесешь и – поминай как звали. Это, конечно, твоё дело, но я бы открыл сначала. А потом подумал, нести или нет.

– Я просто законопослушный гражданин.

– Я думал в России по-другому, что упало – то пропало.

Макс задумался. Ему самому было интересно, что это за вещь. Все приключения по жизни получались банальными. Даже война на которой он был была банальной и много проще обычной жизни. Только теперь жизнь его столкнула с тайной. Настоящей тайно.. Отдать тайну сейчас – означало сделать чудесное обыкновённым. Отказаться от возможностей. Макс этого не хотел.

– Не торопись, успеешь еще сдать властям. Ты ничем не рискуешь...

– А если там взрывчатка? – предположил Макс.

– Первая партия динамита, которую Нобель сделал, – хохотнул Барт.

Макс сам не верил, что там бомба. Чувствовал, что это не

так. Да и не было никакой логики и необходимости совмещения взрывного устройства и шкатулки.

«Нужно быть осторожнее», – решил Макс.

– Надо попробовать его открыть – тут же сказал Барт.

– Я как раз ищу, как это сделать.

– Дай посмотреть.

Барт обхватил шкатулку но тут же одернул руки. Теперь уже не прикасаясь к ларцу, еще раз осмотрел все поверхности.

– Поверни, – попросил он.

Макс подчинился.

– Мне почему-то неприятно к нему прикасаться, – Барт причмокнул, подыскивая слова, – я как будто сгораю... Попробуй понажимать на выпуклости резьбы.

Шкатулка была покрыта символами. Макс нажимал на все поочередно и в разных комбинациях, но ничего не происходило.

– Мне эти символы напоминают клинопись, – изрек Барт. – Сейчас посмотрим в Интернете. Может, в символах какой-то пароль. Надо нажать несколько в определённом порядке.

Шкатулка была без особых изысков и излишеств. Дерево – темно-коричневое от времени, кое-где под нашлепками извести. Сами доски Макс напомнили доски старинных икон, Макс видел такие, когда гостил у приятеля в ярославской области в деревеньке с простым не запоминающемся фрук-

товым именем, то ли Яблоневка, то ли Грушевка.

Макс тогда долго рассматривал куски дерева показавшиеся из-под краски, гладкие, будто отполированные временем, и те доски были изъедены древоточцем. А эта шкатулка нетронута.

Сантиметров двадцать в высоту, двадцать в ширину. Раза полтора больше в длину. Крышка сантиметра три в толщину была с широкой фаской сделанной вертикальными широкими штрихами. Будто аккуратный бобр отгрыз. Крышка держалась на петлях и застежке. Латунная темная застежка уходила в корпус шкатулки и открыванию не поддавалась. Ни замочка, ничего.

Причем по разъему видно было, что кто-то когда-то давно пихал ножичек в шов и дерево повредил. Хотя результатов это особых не принесло.

Макс повертел шкатулкой – что-то там пересыпалось. Шкатулка была тяжеленькой.

Максу показалось, что дно обладает некоторой подвижностью. И правда, нижняя доска ходила, буквально на миллиметр два. Немного шатается, но это ничего не дает.

По периметру шкатулки шел вырезанный узор. Он был разбит на условные прямоугольники и похож на письмена.

Макс присмотрелся к символам – кружочки, палочки, треугольнички, фигурки сложного контура. Эта похожа на глаз, эта на собачку. Ничего определенного. Одним словом – иероглифы. Но Макс больше склонялся к тому, что это про-

сто узор. По крайней мере ничего похожего раньше он не видел.

Барт несколько раз раз щелкнул шкатулку на айфон и теперь стоял истуканом посреди комнаты, двигался только палец над экраном. Палец был похож на нос выхухоли, этакий суперподвижный хоботок. И глаза Барта двигались. Макс почему-то показалось, что глаза Барта похожи на яичницу-глазунью. Только с голубыми желтками. Глаза у Барта были голубые-голубые.

Макс поискал взглядом куда бы поставить находку и прицелился на книжную полку. Правда там лежал всякий хлам от ракушек, до игрушек из киндер-сюрприза, но Макса это не смущало.

Он поставил ларец на найденное место прямо поверх предметов и попытался его втолкнуть глубже. Крышка щелкнула и открылась.

– Мать твою! – выдохнул Макс.

Как шкатулка открылась Макс не понял. Первый посыл был – закрыть шкатулку и открыть снова. Но Макс удержался. Открыл.

В шкатулке была земля.

– Похоже, ты прав, там голова Гоголя, – произнес Макс.

Он поиграл желваками. Бриллианты, золото и прочие блестящие штуки были бы приятнее и желаннее его взгляду. Ничего не нашел – нечего терять. Макс мысленно махнул рукой.

– Что? – переспросил Барт.

– Шкатулка открылась...

Барт подскочил, как на батуте.

– Как? Как ты это сделал?

– Поставил и нажал сюда.

Макс показал.

Барт схватил ларец, но отдернул руки.

– Мне неприятно. Посмотри, сам, что внутри.

Макс запустил в землю руку. Просто земля.

– Высыпай! – воскликнул Барт.

Макс повернул ларец, вытряхнув содержимое. Что-то блеснуло.

– Мне кажется, – заметил Барт, – что головы так не блещут. Разве что особо лысые головы.

– Согласен, – кивнул Макс и вытянул из земли предмет: дряхлые веревочки с черными камнями.

От находки веяло древностью. Небольшой кусок плетения. Камни были теплыми.

Барт осторожно потянулся к предмету. Затем к ларцу. К шкатулке прикоснулся свободно.

– Знаешь, неприятность исходит от этой штуки. К ларцу я прикасаюсь свободно.

– Но почему я держу это в руках и не испытываю... стресса?

– Не знаю. Такое ощущение, что перед нами открылась дверь в магический мир. Ты думаешь персонажи сказок и сказочные артефакты – плод воображения? Туфта! У чело-

века слабая фантазия он может лишь компилировать или черпать из внешних информационных полей.

– А с этим-то что делать? – Макс и думать теперь не хотелось отдавать находку властям.

– Надо понять что это. Пора подключать специалистов. Есть у меня один забавный старичок.

Барт достал телефон и сделал несколько фото ларца и украшения.

Макс вертел в руках находку. Барт осматривал ларец.

– Знаешь, такое ощущение, – произнес Макс, что это лишь часть целой вещи. Нецельно это выглядит.

– Ты прав, – сообщил Барт, – я тоже об этом подумал. А ларец внутри обложен свинцовыми пластинами. Что ты знаешь о радиации?

– Она незаметна. Убивает не спросив, – ответил Макс.

– От нее не возникает неприятных ощущений?

– Насколько я знаю – нет.

Барт вынул из кармана приборчик.

– Радиация в норме, – сообщил он.

– Откуда у тебя дозиметр? – нахмурился Макс.

– Родители заставили купить, – Барт рассмеялся, – они считают, Россия вся радиоактивна, что современные дома строятся из сомнительных материалов. Когда я покупал квартиру в новостройках, они принудили меня брать химические образцы здания.

– И как?

– Не опасно.

– А почему ты здесь живешь? – удивился Макс. – Если у тебя квартира есть...

– На окраине не ощущаешь, что живешь в Петербурге. Все новостройки похожи. А здесь каждый кирпич – с историей.

Макс пожал плечами. Центр, конечно, хорошо. Высокие потолки и всё такое, но отдельная квартира – предел мечтаний и сейчас он сможет ее позволить...

– Давай с механизмом разберемся.

Макс закрыл шкатулку. Повторил свои прежние действия, крышка снова открылась. Поставил на другую поверхность. Закрыл. При тех же манипуляциях шкатулка не открывалась. Макс подложил под дно кругляш. Шкатулка распахнулась.

– Понятно, – произнес он. – Надо нажать на вот эти символы и одновременно надавить на дно. И – «сим-сим! Откройся!»

– Сим-сим? Что это?

– Это из сказки, – улыбнулся Макс. – Волшебные слова.

– А! Сезам! У тебя не возникает странных ощущений? – поинтересовался Барт.

– Странные... – Макс помолчал. – да. Когда эту ветхость держу.

– Ты веришь в магию?

– Я верю в энергию. Силу мысли, – сказал Макс. – Обычная зажигалка для дикаря – магия. Как ты думаешь, за сколь-

ко можно продать эту штуку?

– На первый взгляд – очень дорого.

Они разгребали мусор выносили заполненные пакеты на помойку.

Барт тараторил:

– А ты знаешь, что Невский – аномальное место?

Макс не отвечал, хотя после такого открытия можно было и поверить и сказать «да», а Барту этого не требовалось, он продолжал:

– Граница излома проходит через площадь Восстания. Невский строился с двух сторон от Адмиралтейства и от Александро-Невской лавры. Строители промахнулись и единой перспективы не получилось, как это задумывалось Петром. Излом!

– Это трудно не заметить, – подтвердил Макс.

– С тех самых пор все события происходящие на Невском проспекте зеркально отображаются. Допустим, происходит авария на углу Невского и Садовой, сложи карту и поймешь, где на Староневском произошло зеркальное событие. Была даже карта, где чудесным образом появлялись пятна в местах этих событий.

– Где ты раскапываешь всю эту чушь? – удивился Макс.

– Ну почему чушь? Все события на Земле связаны имеют определенную логику, недоступную большинству. Вот тебя чуть не убило и ты нашел клад. Ты живешь на Невском. На

Староневском, возможно, человек решил уйти из жизни, но как-то этого избежал и скорее всего тоже что-то нашел. Может, продолжение этой штуковины!

– Да ну, бред.

– Давай проверим! – потер ладони Барт.

– Делать больше нечего! – возразил Макс.

– Смотри. Я сейчас возьму книгу, ты назовешь страницу и строку. Если эта строка направлена на движение, – пойдем и проверим.

Макс усмехнулся:

– Давай!

Они уже выбросили мусор и привели комнату в порядок.

Барт, прищурился, схватил книгу.

– Страница?

Макс назвал.

– Строка? – требовал Барт.

– Седьмая.

– «Я вижу херувима, который видит их. – Но едем; в Англию!», – зачитал Барт.

Макс выругался. Ему не хотелось никуда ехать.

– Ты что взял? – спросил он в растерянности.

Барт захлопнул книгу.

– Гамлет, – он хмыкнул. – Никогда Гамлета по-русски не читал.

– Не думал, что у меня есть, – бросил Макс.

– У тебя карта есть? – спросил Барт.

– Нет, – отозвался Макс.

– Зайдем ко мне. У тебя квартира 51. Там будет 15. Сложим карту и поймем, что за дом. Может там человек погибает.

Макс усмехнулся. Делать было все равно нечего. Сидеть целый день дома и варить свои мысли в чугушке головы не хотелось. Похлебка получалась все равно невкусная.

Макс завернул находку в тельняшку, лежащую на стуле, пихнул в ларец и закрыл. Ларец пихнул под кровать.

«Ладно, поеду», – подумал Макс. Хотя Барт был заразителен в своих измышлениях. Это будто метеорит упал или затмение солнца, о котором ты не успел прочитать в газетах.

Иногда, Макс думал: кто я, что я здесь делаю? И тут же возникал ответ: я – сталкер. Я исследую эту жизнь. И эту смерть. А как по-другому воспринимать? Это все игра. Главное, понять правила... Когда он в первый раз оказался на войне, он тоже ничего не мог понять, когда вместо головы друга оказалась пустота. Страшно не было. Он пытался понять, что делать, чтобы продолжать игру. Наверное, он был Игроком.

Они спустились к Барту. В комнате был беспорядок. Множество карт разложенных, развешенных и сложенных, кучи книг и безделушек, иногда непонятного назначения, пустые бутылки.

Но Барт ориентировался в этом беспорядке, он выхватил

карту Санкт-Петербурга, плюнул в изображение дома Макса, согнул ее и изучил отпечаток плевка.

– Ага понятно. Полетели!

Они поднимались по старой лестнице, Барт пристановаливался у каждой двери, прислушивался. Казалось, Макс был безучастен, но он прислушивался к своим внутренним ощущениям.

– Вот пятнадцатая.

Они замерли.

Стояли перед металлической дверью в доме на Староневском. Металлический блеск цифры 15, выпуклое мерцание дверного глазка.

Барт прижался ухом к двери.

– Вроде вода шумит.

Позвонил.

– И что скажем? – усмехнулся Макс.

– Придумаем. По обстоятельствам решим.

Никто не открывал.

– У тебя нет ощущения, что на нас смотрят? – прошептал

Барт.

У Макса кивнул.

Шаг 4. Увертюра для циркуляционных пил

Когда Макс заходил в квартиру, ларец больно ударил его в живот. Это бывшая жена тащила находку. Ни слова не говоря, она сделала шаг в сторону и попыталась обойти Максима.

Макс выхватил ларец.

– Тебе помочь? Тяжело же... – язвительно бросил Макс и пошел не оборачиваясь в комнату.

Макс спиной чувствовал взгляд полный ненависти, и представлял, как худенькая, маленькая женщина, принимает позу самодовольного самовара: утыкает руки в боки, растопырив локти, выставляет вперед изящную ножку. Черное каре увеличивало объем головы.

«Сейчас начнется, – подумал Макс. – Чего она приперлась? Ведь избегала прямого общения»...

Макс не ошибся – началось.

– Отдал быстро! – разговор занялся со злобного визга.

Правда, все их разговоры после женитьбы имели статус ссоры, на что Макс уже не обращал внимания – играл в добродушного слона.

Света появилась на пороге комнаты, как Макс и представлял – самоваром, тонкие руки в тощие боки. В начищенных боках самоварчика, когда-то горячо любимого, явно играл образ гарпии. Тонко-узкие черты лица бывшей жены напо-

минали это мифическое чудовище.

«Почему темненьких называют Светами?» – этим вопросом Макс всегда интересовался и в сотый раз вопросительный знак царапнул любопытство.

– Отдал быстро! – её голос напоминал циркуляционную пилу.

– Это не моё, – спокойно парировал Макс.

– Не держи меня за дуру! – звенела Светка. – Дыра в потолке, шкатулка набита деньгами! Ты нашёл клад!

– С чего ты взяла? – пожал плечами Макс и отметив: «Какая проницательность».

– Я не дура!

– Это не моё, – твёрдо повторил Макс.

– Когда ты будешь платить алименты?!

– Я же говорю. Сейчас нет работы. Мне предложили место... – устало оправдывался Макс.

– Давай, так, – Светка вдруг перешла на ласковый тон. – Ты мне отдаешь шкатулочку и я тебя... некоторое время не трогаю.

– До завтра? – поинтересовался Макс.

– Максимушка, – слёзы брызнули из глаз, как у клоуна.

Макса всегда поражала такая театральность в обычном бухгалтере.

– Максимушка, ты же любишь Пашку. Ради нас... – рыдала она взхлеб. Слёзы и всхлипывания сочились сквозь сомкнутые на лице пальцы.

Макс играл желваками, он действительно любил сына, но и знал расточительность и легкомысленность Светки.

– У тебя хорошая зарплата, – и повторил ещё раз, – шка-тулка не моя.

Руки мигом улетели с лица жены, слёзы высохли, как на раскаленной печке.

– И это мне говорит взрослый мужик! Ручки есть, ножки есть, работай! Хоть кем! Хоть как! – прошипела она, но опять сменила тактику.

Макс следил за ее трансформациями, ему надоело говорить, что ищет он работу, что работы пока нет.

Раскачивая бедрами подошла, изобразив вожденный взгляд, села рядом, прижалась, мягким, но уверенным движением положила руку на промежность.

– Максимушка... Хочешь? У тебя же давно не было...

– Какая тебе разница?

– Бабник! – и пальцы её сжались сильнее, Макс ощутил дискомфорт.

– Ё-моё! Это не моё!

Боль в паху. Блокировал ее руку, развернул, и за плечи повёл к выходу, она сопротивляясь мелко перебирала ногами впереди тела, громко, дробно стуча туфельками и вопила на границе ультразвука.

В коридоре показал огромную красную рожу заспанный сосед: «Потише там!» Он привык к семейным разборкам.

«Хорошо хоть мама на работе, – подумал Макс, – расстро-

илась бы».

Макс выставил Свету на лестничную площадку и захлопнул дверь.

Визг сразу смолк.

– Ты у меня получишь, сука! Сотню раз пожалеешь, что связался со мной! – слышалось из-за двери.

«Уже пожалел», – прошептал Макс.

Макс постоял перед комнатой мамы, но понял, что ларец и там не спрятать пока у Светки есть ключи.

Он уже много раз жалел, что не взял их у неё. Хотя вряд ли добровольная отдача ключей была возможна.

Мама благоволила Свете, не смотря на разрыв в отношениях и скандалы. Она считала, что брак навсегда, тем более, если завели ребёнка. Он же бестолочь и лентяй. Светка позволяла пока маме видеть Пашку.

Макс спустился в квартиру, где жил Барт. Тот сосредоточенно рылся в ноутбуке.

– Чего ищешь? – поинтересовался Макс, топчась на пороге в комнату, держа перед собой ларец.

– Информацию о всяческих ларцах, шкатулках, головах Гоголя и доме, в котором мы проживаем.

– М-м... Что нашёл?

– Пока мелочь какая-то. Информационное поле огромно. В Интернет свисает только куцый хвост, – разродился тирадой Барт, – а по хвосту не всегда поймешь, что за животное

владелец этого хвоста, крыса или облезлый кот.

– Можно я у тебя ларец оставлю на хранение?.. А то ко мне жена приходила, сразу потащила к себе в гнездо... сорока.

Макс сомневался, как оставить такую вещь почти незнакомому человеку. Но так как Барт отмахнулся, решило его сомнения.

– А, туда поставь, – не поворачивая головы, погруженный в свет экрана, махнул Барт.

Макс потоптался, оглядывая, куда среди этого развала можно воткнуть шкатулку.

Аккуратностью Барт не отличался. Королевство хаоса. Хаос, правда, был подчинен увлечениям Барта. Развешенные, разложенные и разбросанные везде карты городов. Ни стопок, ни стаканов, кое-где бутылка, и стопки книг, то там, то сям. Пустой совершенно секретер, только ноут. Нигде нет чашек. Этот беспорядок можно было бы принять признаком сумасшествия.

Макс подумал о социуме, что было бы, если бы Макс не слушал маму и складывал брюки по стрелочкам, не вешал их в шкаф. Если бы он свои увлечения размещал по комнате некими маячками. А в одной из двух комнат, приходится прятать свои увлечения внутри. Прятать себя по шкафам. Прятать себя в себе.

Барт похоже, мог выносить свое внутреннее в пространство комнаты в пространство Мира.

Социум. Социум много значит в жизни.

Наконец, Макс выискал более-менее свободное место на книжной полке, там правда, уже лежали какие-то предметы. И поставил шкатулку.

Шаг 5. Клиент через «О»

Марлен появилась в офисе ближе к вечеру, у неё было назначено на сегодня несколько клиентов, которых она не могла отменить.

Она редко назначала встречи на утро. Сама больше любила жить по ночам, да и люди сейчас начинали день много позже. Многие ее клиенты – работающие в России иностранцы, которые утро и день проводили в офисах, и с психологом встречались по вечерам. Да и само утро в России сдвинулось к полудню. Хотя само слово говорило, что полдня прошло. Чтобы сказала бабушка (если бы была жива) узнав, что Марлен по будням поднимается ближе к одиннадцати, а в выходные три-четыре часа дня – утро бывает и не наступает. Когда люди обращали внимание Марлен, на то обстоятельство, что пять вечера – уже не рано, Марлен улыбалась: «У каждого своё рано». И добавляла с обворожительным прибалтийским акцентом: «И своё поздно. Только сейчас относительно одинаково».

Раньше действительно народ больше ценил утреннее время. Вернее его заставляли ценить. Марлен помнила те времена, когда Латвия еще входила в СССР, и родители уходили на работу около семи. Заводские цеха начинали работать в семь, конструкторские бюро в восемь. Страна просыпалась рано. Марлен провожала родителей, слушала радио и повто-

ряла уроки, до девяти – начала занятий в школе – была уйма времени.

К середине дня Марлен окончательно оклемалась и подходя к работе чувствовала себя отлично.

«Тебе клиент уже звонил несколько раз», – встретила Катюша в приемной.

Катюша была миленькая, скромная девушка лет за сорок у которой всё хорошо, за что ее и любили.

– Здравствуй, Катюша! Что-нибудь новенькое или старенькое? – поинтересовалась Марлен.

Всегда, когда она видела эту девушку хор в голове заводил советскую песню «Расцветали яблони и груши!», дирижируя при этом и настроением.

– Фамилию не называет, называется ВиктОром, сыпет комплементами, говорит совершенно непонятно. Причем, именно ВиктОр! – делилась Катюша.

Зазвонил телефон. Катюша плавно, почти нежно взяла трубку и бархатным голосом произнесла: «Ало, клиника Альфамед!»

– Это он, – сказала Катюша, прикрыв микрофон, протянула трубку Марлен.

– Да, я вас слушаю, – произнесла Марлен.

В трубке отстаивалась тишина.

– Алло, я вся во внимании, – Марлен сделала голос, как можно мягче и привлекательнее.

Молчание.

Самым сексуальным голосом, на который была способна, Марлен произнесла, ее начала доставать эта игра в молчанку, ее явно проверяли.

– Если вы позвонили просто так, нажмите один, если вы позвонили помолчать, нажмите два, если вы позвонили по делу, нажмите три. Если у вас сел голос, ничего не нажимайте, просто повесьте трубку. Перезвоните, когда он встанет.

Она знала, что ее тембр голоса в купе с легким акцентом действует на мужчин неотразимо. В трубке слышался легкий смешок.

– Да-да, чудесно, ощущаю прогресс, – продолжила терапию Марлен. – Теперь прохихикайте свою проблему.

– Проблема-мраблема, – возникло в трубке. – Марлен, я хотел бы встретиться, сегодня в двенадцать, в ресторане... скажем, Мансарда, – он говорил столь значительно, будто передвигал горы, каждое слово было алмазом непомерной величины.

– Виктор, – она сделала лёгкий упор на «О», – уже третий час.

– Двенадцать ночи-шночи.

– Простите, приемы у нас проходят в основном в офисе, с 10 до 21. Если сеанс проходит на дому, то за доп оплату.

– Оплату-маплату. Договоримся.

Марлен промолчала.

– За тобой заедут.

Марлен анализировала разговор. Вот и названный Анге-

лом. Или это совпадение? Новые клиенты, появлялись нечасто, некоторые приходили на раз-два, исчезали. Так не появлялся еще никто. Ей, конечно, попадались чудаки пациенты, но в основном, процент чудачков был небольшой не более одного в неделю. На эту неделю лимит был исчерпан. Вчера уже был дурик. Кстати, процент загадочных, заинтересовавших ее по сетевому общению был гораздо ниже. И этих «загадочных» она отличала, как белка отличает полый орех от полного. Два совпадения для одних суток было многовато. Это больше походило на розыгрыш. Скорее всего, Ангел и ВиктОр – одно лицо. Мечтания Марлен об Алексее зазвенели битым стеклом. Но тут же вспомнилась фраза: «У тебя будут дети». Если это шутка, то очень жестокая. Шевельнулась в сердце игла неприятностей.

Шаг 6. Сменить русло

Этот дед напомнил Максу старика Хотабыча, но подумал, что портрет этот он вполне мог видеть на стене кабинета литературы или математики. Вообще это лицо было олицетворением древности... Точнее той эпохи, казалось, что дед даты изготовления даже не прошлого века, а позапрошлого. Только Макс сомневался, что найдет на этом человеке ярлычок с клеймом, говорящем о создании индивидуума. Невысокий, прямой пожилой человек стоял в коридоре, опираясь на палочку светлого дерева, освещаемый тусклой лампочкой. Белый полотняный костюм – точно позапрошлого века, седые волосы, остроконечная аккуратная белая борода.

– А Варфоломей Михайлович! – воскликнул старик, сверкнув круглыми очками. – Добро пожаловать, добро пожаловать! Вы сегодня с другом?

И старик вопросительно посмотрел на Макса, который неловко протянул руку для рукопожатия, хотя смотрел на Барта: «Михайлович? Вполне русское отчество, для Нью-Йорка». А старик жадно тряс руку Барта, дед безумно рад ему.

– Макс... – представился молодой человек и понял, что делает не то и добавил, – ...им Владимирович Минин.

И тут же ощутил сухую прохладную руку старика.

– Им? – улыбнулся старик, – а нам Владимирович? – и тут же серьёзно представился, – Бояров Александр Леонидович. Проходите, проходите, гости дорогие.

Посередине кухни стоял круглый стол. Угол занимал огромный буфет. На стене тикали ходики. Из современности была сама кухня, холодильник, раковина и газовая плита. На которую тут же был водружен блестящий чайник с свистком.

Александр Леонидович извлекал из резного буфета чайный сервиз, а Барт из пакета купленные продукты: огромный кусок буженины, сыр, хлеб, булку, красную рыбу, какие-то морепродукты.

Макс считал, что этим можно питаться неделю.

– Вы знаете, Варфоломей Михайлович, мне кажется, что морепродукты не совсем уместны с чаем, – заметил старик, – уберите, уберите.

– А с этим уместны? – и Барт достал поллитровку хорошей водки.

– С этим, я думаю, уместны, – нагнул голову Александр Леонидович. – Что же вы сразу не предупредили? Здесь требуется другая сервировка.

И старик убрал чайные принадлежности, достал маленькие рюмочки и тарелки.

– Сейчас мы будем есть суп! – воскликнул он.

– Спа... – возник Макс, он не очень любил супы, и тут же получил весомый тычок в бок от Барта.

– Не отказывайся, – зашептал Барт, – обидится.

– Спасибо, – сказал Макс. – С удовольствием.

– Ой, – удивился старик. – пятьсот рублей, я вроде не клал сюда деньги.

Александр Леонидович вертел в руках купюру.

– Странно... Это какой-то волшебный дом. Я постоянно нахожу деньги. Это пять вы? – и старик подозрительно покосился на Барта.

– Что вы! Александр Леонидович! Я уже имел неприятный разговор с вами. Мне этого хватило. И мне неприятно, что вы обо мне так думаете.

Старик тут же смягчился и вынес как транспарантик из кухни купюру.

Барт тут же выхватил из кармана пятисотку, подмигнул Максу, и спрятал в буфет денежку. Сел, как ни в чем не бывало.

– Он очень бедный старик, – зашептал Барт. – И очень гордый. Один раз я прокололся. Положил пяти тысячную. Потом понял, что у пенсионеров такие купюры встречаются крайне редко.

Супом оказался жидкий куриный бульон, сваренный на маленькой лапке, причём лапка оказалась поделенной между Максом и Бартом.

– С сухариками кушайте, – прихлебывал из тарелки Александр Леонидович.

Посередине стола стояла тарелка ошетилившаяся, как иголками, тонкими палочками сухарей. Барт зачерпнул

горсть и кинул в тарелку. Макс последовал его примеру.

Это было действительно вкусно. Бульон с сухариками. Что-то из прошлого... Но не такого далёкого как старик – из детства.

Барт наполнил рюмочки водкой.

– За встречу! – произнес Барт и выпил.

Макс тоже пригубил. Водка оказалась на удивление вкусной. Она несколько не напоминала дурнопахнущий керосин, нижней ценовой категории.

Никакого привкуса алкоголя. Лёгкий вкус сладости на языке. Будто сделал глоток родниковой воды. Макс взял бутылку. Прозрачное стекло, толстое дно. Черная пробка на стекле черным написано «BELUGA», на серебристой этикетке рыба переплывает чёрный круг.

«Эстетно», – подумал Макс, поставил бутылку.

– Вкусная водка.

– К сожалению, встречи редки, – произнес Александр Леонидович.

– Я бы заходил к вам чаще, но дела... дела, – произнес Барт. – И поиск интересных фактов, которые способны вас удивить занимают слишком много времени.

– Заходите просто... – грустно улыбнулся старик. – Неужели ваш Интернет не способен предоставить вам удивительную информацию?

Слово «Интернет» Александр Леонидович произносил, как многие старики с очень мягким «т».

– Люди удивляют больше, – улыбнулся Барт.

– А вы знаете, молодые люди, что казнили не только людей, животных, но и реки?

– Я же говорю! – засмеялся Барт, потирая руки. – Расскажите, очень интересно.

– В Ираке есть река Диала. Это единственная в мире река, приговоренная к смертной казни.

– Как это? – не понял Макс. – Такое возможно? Ей отрубили исток?

– Напрасно смеётесь, молодой человек, – заметил Александр Леонидович, – Персидский царь Кир...

– Кир... Кир? Это который якобы знал всех своих войнов поименно? – спросил Барт.

– Кир Великий. Так вот Кир переправляясь через Диалу, лишился коня. Царь так разгневался, что приказал прорыть 360 каналов, чтобы отвести воду из реки. Так Диала перестала существовать на тысячу лет.

– То есть она возродилась? – спросил Макс.

– Пески занесли каналы, и река вернулась в прежнее русло. Возродилась – какое верное слово, Максим Владимирович, – старик посмотрел на Макса.

Глаза старика были живыми и глубокими, как время.

– Не думаю, что это единственная казненная река, – сообщил Макс. – люди уничтожили многое. Вспомнить плотины, изменение ландшафта.

– Да, – возник Барт. – Но это не совсем то. Та река бы-

ла специально казнена. А здесь мы убивает по прихоти, по незнанию. Мы похожи на ребенка, который испытывает умение ли плавать цыплёнок и кидает его в бочку с водой. Убитые реки. Какая метафора.

– Мы и Землю казним. Кто-то подписал ей приговор, а мы всего лишь инструмент для казни, – высказал догадку Макс, поставив рюмку на стол.

– Да, – снова встрял Барт. – Я всегда думал о том, что мы призваны для некоторого максимального воздействия. Уничтожение Земли или Вселенной вполне подходит.

– Сейчас сложно сказать, для чего мы призваны. Я считаю, что для созидания всё-таки, для совершенствования, – дед поджал губы.

– Но разрушаем, – завёлся Макс.

– Но и разрушение может быть созиданием, – возразил Барт.

– Во всем этом есть положительный момент, – улыбнулся старик.

Все затихли.

– Река через тысячу лет вернулась в русло.

– О положительности этого момента тоже можно спорить, – раздухарился Барт, он налил всем водки.

– Это значит возродится вселенная, возродится Земля, и снова появится человечество, чтобы всё это уничтожить.

– Станный круг, – вздохнул Макс.

– Возрождение, – какое хорошее слово, – проговорил

Александр Леонидович.

– За возрождение, – воскликнул Барт.

Затем Барт вытащил фотографии ларца и выложил на стол, распихав тарелки с едой по краям.

– Мы собственно, Александр Леонидович, пришли с интересностями... Что вы скажете по поводу этой шкатулки?

Старик вынул из кармана увеличительное стекло и стал вглядываться в фото.

Макс недоумевал, почему Барт вытащил только снимки шкатулки и не предъявил снимки украшения, ведь их интересовало именно оно. Было странно, чтобы делать такие огромные снимки на альбомный лист и тратиться. Сейчас все показывают на планшете или смартфоне. Но Барт пояснил просто: старик – ретроград. Для него важны привычные тактильные ощущения. Ритуал важен. И планшет не оставишь – откажется. И пользоваться надо научить. А старик поколдует, может еще информацию выдаст.

И Барт оказался прав, раз дед ещё и линзу достал. «Знает, что делает!» – кивнул Макс.

– Что я могу сказать про вашу шкатулку, задумчиво произнес Александр Леонидович. – Скорее всего ларец с секретом. Нужно нажать на дно и этот символ.

Макс с Бартом переглянулись.

– В ларце таится какая-то опасность, связанная с огнём. И мне здесь видятся шумерские символы неумело переданные. Скорее всего люди, которые делали этот ларец не со-

всем понимали, что передают. Отсюда и искажение. Что я могу сказать, очень интересная вещьца. Не такая уж бесполезная штука ваш инть-ернет...

И старик оценивающе поглядел на Барта.

– Может, вы меня как-нибудь сводите на прогулку по инть-ернету?

Барт молча достал остальные фотографии. Старик снова погрузился в изучение. Он возбужденно и озабоченно хмыкал, протирал линзу, кусал усы, бормотал под нос.

– Это шумерская вещьца, – наконец изрек Александр Леонидович.

– Вы уверены? – воскликнул Барт.

Старик поджал губы.

– Не ассирийская, не египетская, не греческая? Именно шумерская? В Интернете пишут, что греческая, – соврал Барт.

– Молодой человек, – свысока произнес старик, – вы же можете отличить запорожец от чайки?

Макс улыбнулся: «Какой раритет, в потоке иномарок запорожец сейчас и не встретишь, а уж Чайку тем более».

– Это шумерская вещь, – твёрдо произнес дед. – причем, часть вещи... Малая часть, судари мои. Может у вас есть остальные снимки?

– Нет. Пока нет, – замялся Барт.

– Это часть нагрудной повязки, м-м-м, – пожевал губами старик подыскивая слово, – лифчик... Причем, кто-то вар-

варски разделил эту часть туалета на несколько деталей.

– Для чего? – спросил Макс.

– Чтобы хранить в разных местах, возможно, так. Но это всего лишь догадка.

– Соединив вместе, может дать ключ к разгадке? – выпучил глаза Барт.

– Может быть, может быть... Скажите это лежало в ларце?

– Да, – сознался Барт.

– Точно-точно шумерский, – засопел дед. – Только ларец более поздний. Намного более.

– Варфоломей Михайлович, можно я оставлю эти снимки у себя?

– Я бы просил вас об этом.

– Фантастический старик! – вещал Барт, когда они с Максом вышли. – Он знает больше, чем советская энциклопедия и мыслит свежо. Он написал десятки книг в разных областях, а живет бедно. Тем, что мы принесли, надеюсь, перебьется какое-то время, – Барт погрустнел. – Напрямую не берет – гордый. Деньги с пенсии на книги тратит. На еду жалеет. Побольше бы таких людей, которые думают не о том, как набить пузо, а о науке, творчестве. Которые думают.

– А кто такие шумеры? – задал мучивший его вопрос Макс.

– Древнейшая цивилизация междуречья. Твоя находка бесценна.

– Насколько бесценна в рублях? – Макс уже представлял не только квартиру, но и машину и дачу.

– Настолько бесценна, что я бы не советовал ее продавать, – сказал серьезно Барт, – во-первых, надо попытаться найти следы остальных частей.

Макс представил, насколько дорого сможет стоить весь этот древний лифчик.

– Если ты нуждаешься, я могу тебе помочь.

– Ты что самый богатый? – буркнул Макс.

– Достаточно, чтобы не думать о деньгах, – нахмурился Барт. – Но я имел ввиду работу. Будем искать этот артефакт, я проспонсирую это мероприятие. Прибыль поделим. Я согласен на сорок процентов. Ты будешь моей долгосрочной инвестицией.

Макс вздохнул. С квартирой придётся подождать. Но он понимал, что Барт прав. Очень даже прав.

– Кстати, а почему ты Михайлович? – поинтересовался Макс.

– Старик переименовал на свой манер. Моего отца зовут Майкл.

Полшага в сторону. Праздник города Урук

Богиня смотрела на свое отражение в прозрачном облачке на кристально чистом небе. Изящная, хоть и не очень тонкая, талия, высокая и в меру большая грудь, приятные изгибы не слишком полных бедер. Большие и черные глаза, как ночное небо в новолуние, сверкали блеском звезды Ниндарианы. Инанна нравилась сама себе. Гораздо больше чем раньше. Раньше, давным-давно, много сотен людских поколений назад, у нее были огромные невообразимо широкие бедра. На их фоне даже грудь казалось маленькой и невыразительной. Что за странные людские фантазии? Наверное, дело в пищи, которую они тогда там на земле ели. Или еще в чем-нибудь. То ли дело сейчас. Но всегда есть к чему стремиться. Похудеть бы в талии немного. Надо что-то придумать, чтобы стать еще краше. Как это несправедливо! Я Богиня, а даже моя внешность зависит от вкусов и представлений этих червей!

Хотя, наверное, можно на это как-то повлиять.

Она посмотрела на город, где ее почитали, с высоты зиккурата, огромного пирамидального храма, выстроенного в ее честь. Город Урук был как-будто в дымке. Какие-то здания, низенькие и неказистые. Люди, копошащиеся внизу. Каналы с мутной водой, пересекающие поселение. Вдалеке текла

Великая река Бурануну.

Инанна всегда видела весь мир в тумане. Да и что там интересного она могла увидеть. Плач, горе, стенания, смерть... Смерти она боялась. Ее сестричка, не такая, впрочем, красивая как она, завладела царством мертвых. И от зависти к ее красоте мечтала ее там оставить, навсегда, среди теней, среди умерших людей. Инанна поморщилась и снова взглянула на город.

Пелена скуки в ее взоре не давала ей разглядеть детали. Хотя Урук, кажется, готовился к празднику.

Торжеству урожая. Даже сквозь туман неприятия Инанна увидела суету на главной площади целого района, посвященного ей. Надо спуститься к ним. Пусть почитают. От этого, она станет сильнее.

Она спустилась на площадь. Люди ее не видели, никогда не видели. Но верили, и эту веру она ощущала каждый день. Но и она не видела людей. Даже, рядом с ними, это были лишь тени тех, кто верил в нее, и чья вера давала ей силы и власть. Но она слышала людей. Их молитвы о здоровье ребенка, об урожае, об удачной сделке, о родовспоможении, о зачатии первенца. Чтобы люди продолжала верить, она исполняла некоторые пожелания, не особенно разбираясь, кто и почему ее просили. Это было не интересно. И вот сейчас они все попросят что-то. Всем городом. Придется исполнить. Она вздохнула, спустилась с вершины зиккурата и села на почетный каменный трон приготовленный для нее

на небольшом, специально построенном из камня, возвышении. Народ смотрел на жрецов, которые стояли также рядом с тронем. Те что-то пели. Инанне и прислушиваться не потребовалось. Судя по приливу сил, который она ощутила, они воспевали ее, богиню.

Затем к трону подошел человек и встал перед ним. Хорошо одетый, немолодой, но жизнь людей так скоротечна... За ним следовало четверо других людей, лица которых у Инанна совсем скрыл туман отсутствия интереса к происходящему. Хорошо одетый человек принес ларец и поставил перед тронем. Он торжественно говорил про засеянные поля, про богатство его семьи, опять про поля. Сложно было бы догадаться, что он хотел, но из прошлых столетий Инанна знала об этом ритуале. Каждый год в праздник урожая она должна была выбрать мужа. Это сейчас лучшие люди города приносят ей дары, говорят какие-то слова, и после выбора чинно восседают у трона. Давным-давно, когда Инанна была еще толстой и широкобедрой перед ней шаманы и вожди выплясывали недвусмысленный танец, не стесняясь ни оголенных чресел, ни возбуждения, ни последствиями этого возбуждения, которые должны были способствовать зарождению нового урожая.

Сегодня перед Инанной никто голышом не плясал. На шкатулку с сокровищами она даже не взглянула. На что ей людские богатства. Она поправила сетку на груди. Яркие сочные камешки грубо обработанных топазов заиграли, впи-

тывая всю силу бога солнца Уту.

Человек окончил говорить и отошел, но не далеко. Его слуги встали за ним. Стать мужем богини на год – почетно и рискованно. Ничего особенного делать не нужно. Если будет хороший урожай – почет и уважение всего города. Если плохой... Правда, обычно мужья были из знатных семей, тесно связанных со жрецами, так что ничего плохого с ними не случилось. Но Инанна не следила за их судьбой после года, так называемого замужества. Да и в течении года не обращала никакого внимания на них. Они ее видеть не могли, а она не хотела.

Рядом с тронем встала девушка. Абсолютно обнаженная, но с множеством украшений: на шее, на груди, на бедрах, на запястьях, в волосах сверкал металлический обруч. Красивая, с черными как ночь волосами, кудрями спадающими на плечи.

Инанна обратила внимания на нее гораздо большее, чем на своего потенциального мужа. Это жрица олицетворяла ее, богиню. Именно с ней, с этой девушкой, выбранный претендент на глазах у всей площади совершит обряд посвященный плодородию. И будет обязан совершать этот обряд каждый день, но уже в стенах зиккурата.

Внешность девушки для Инанны имела огромное значение. Ведь именно так люди себе и представляют богиню, а значит от того, как выглядит эта девушка, зависит и будущая внешность самой Инанна. Эта девушка понравилась богине.

Особенно бедра. Узкие. Хорошо. Значит стоит ожидать изменений и собственной фигуре в будущем. Очень хорошо. Богатый претендент тоже смотрел на жрицу с нескрываемым интересом. Вероятно, с жрецами было все договорено, и он не сомневался, что сейчас на глазах всего города овладеет ею и станет мужем богини.

Меж тем на возвышении перед тронем появился еще один претендент на то, чтобы на год стать ее мужем. Он был гораздо проще одет. Серая чистая накидка из шерсти. Слуг у него не было. Значит бедный. «Рисковый малый» – подумала Инанна. Ведь в случае неурожая никто его не защитит. И кажется, судя по одежаниям, простой пастух. Это в городе земледельцев, где богатство определяется количеством возделанной земли.

Она даже, обратила на него внимание. Он пока молчал и прямо смотрел на трон. Именно туда, где сидела она. На красивую жрицу он даже не взглянул. Он не мог ее видеть, но, Инанне показалось, что смотрит он ей прямо в глаза и, даже, улыбается. Он заговорил:

– Что я могу предложить тебе? Тебе, Божественная, разве нужно богатство? Тебе разве нужна шерсть, масло? Надо ли тебе это?

Инанна заметила, что обычная вековая дымка, которая всегда стояла перед ее взором, когда она смотрела на жизнь людей, стала чуть прозрачнее.

– Божественная, я люблю тебя. Я видел тебя во сне. Я

знаю, какая ты прекрасная, восседающая во храме. Но поверь, жизнь на земле прекрасна. И я хочу подарить тебе ее, человеческую жизнь. В ней много страданий, в ней много радостей, боли, и счастья, но главное, в ней много любви. Я твой навеки. Я подарю тебе то, что ты раньше никогда не испытывала. Меня зовут Думузи. Выбери меня, Божественная Инанна. Явись нам, и яви нам свою милость.

И человек встал на колени перед ее троном, как раз там, где находились ее ноги. Ей показалось, что она даже почувствовала тепло, исходящее от него и кисловатый запах шерсти.

Инанна была потрясена. Такого ей никто не предлагал. В смятении, она взмахнула рукой и все, кто стоял на каменном постаменте перед ее храмом, полетели кубарем вниз. Раздались испуганные крики толпы. Богиня отвергла претендентов. Что же будет с урожаем. Но богине было не до их страхов. Она быстро удалилась к себе на вершину зиккурата.

Шаг 7. Старый знакомый

Подходя к дому, они услышали, что их окликнули. Во дворе на лавочке сидело трое.

– Так чё надо ребята? – нагло выступил Барт. – На пиво не хватает? Не вопрос, добавим.

Говорил один, жилистый крепыш.

– Слышь паря, мотай отсюда у нас разговор к человеку.

Барт глянул на Макса и понял, что разговаривать ему не хочется.

– О чем разговор-то? Я вас не знаю, – пожал плечами Макс. – Может, просто разбежимся?

– Можно и по-хорошему, – говорил небольшой, Макс почувствовал, что с ним будет больше всего проблем. – Шкапулку отдай.

– Так-так, ребята, разговор ни о чем, денег давайте дам, это же не проблема, – встрял Барт.

– Шкапулочку я уже отдал, – спокойно сообщил Макс.

Он стоял, расслабленно опустив руки.

Барт встал в боксерскую стойку и стал подпрыгивать птичкой, трясти головой.

– Сейчас! Сейчас у вас будут проблемы, – выкрикивал он.

– Ты убери своего бешеного воробья, – сплюнул небольшой, в этом движении Макс показалось что-то знакомое.

– Ты передай Светке, что эта вещь не моя, я её уже отдал.

Макс тут же понял, что угадал, и мгновение спустя, увернулся от последовавшего удара и ответил серией. Даже зацепил.

Барт заорал. Бешено и непрерывно. На Макса навалились еще двое. Один оказался простой, как чугунный утюг – получил в пах и стоял в сторонке шипел. Барт всё орал и насакивал на нападавших, от него отмахивались, но держался он неплохо. Барт делал много резких движений, иногда нелепых. Вертляво прыгал, да так шустро, то уследить за ним было трудно, тем что зацепить. Прекрасный отвлекающий фактор.

Второй большой пропустил из-за этого удар в голову, сел на землю и глубоко вздыхал, ничего не понимая. С небольшим оказалось сложнее. Наконец, Макс сбил его с ног, оседлал, занес руку для удара.

Крик Барта прекратился, он стоял и вытирал кровь с губы.
– Что всё? – спросил Макс.

– Ну, давай-давай, – сквозь зубы прошипел поверженный.
Через эти слова пробежало воспоминание.

– Серёга? Давно ты в хулиганы подался? Или спаррингов захотелось?

Когда-то Макс встречался с Сергеем на татами, даже занимались в одном клубе.

– Макс?

Макс слез, помог Сергею подняться.

– Ну, рассказывай.

– Что рассказывать?

– Сначала меня интересует, что ты на меня накатил? – улыбнулся Макс.

– Мы здесь сидели с ребятами, бухали. Подходит такая... цаца. Предложила денег, сказала, что ты отнял у неё шкатулку, которая дорога, как память, что алименты не платишь, что ещё и последнее забираешь.

– На. Скажешь, что разобрались. Но шкатулки нет.

Сергей недоуменно взял деньги.

– Тебе не пришло в голову, что бедная овечка платит хорошие деньги за наказание прежнего мужа? – ухмыльнулся Макс.

– Неа... – Сергей сплюнул. – Как живешь-то?

– Видишь, – улыбнулся Макс. – Бывшая жена хулиганов нанимает, чтобы меня поколотить. А шкатулка не моя. Отдал я её. Только Светка посчитала, что ей это причитается.

– А алименты, что не платишь? – лукаво поинтересовался Серёга.

– Не с чего, – ухмыльнулся Макс. – Я не работаю сейчас.

– Значит, не зря сцепились, – хохотнул Серега.

– Значит, не зря...

– Извини, не разобрался...

– Разобрался, – Макс улыбнулся и хлопнул Сергея по плечу. – Как сам-то?

– Из спорта ушел, когда колена на соревнованиях рассу-

палось. В охране перебиваюсь.

– Я вот тоже, везде и нигде, – выдохнул Макс.

Оклемались двое больших, подошли.

– Знакомьтесь ребята, это Макс. Кореш мой, – сказал Сергей.

Макс поздоровался с бывшими соперниками.

– Там к тебе эта поднималась... Света... проверяла дома ли ты.

– Понятно, – Макс помрачнел подумав: «Перевернула небось всё».

– Ладно, счастливо, – и они с Бартом пошли.

– Вот гады!

– Кто? – Макс с удивлением уставился на Барта.

– Люди. Хоть бы одна сволочь вышла. Все сидят по своим норкам!

– А-а-а... А я вот, кстати, думаю, что не за деньги они к нам подкатили.

– Да? С чего такие выводы?

– Думаю. Спят они со Светкой. Слишком слабая сказочка: подошла цаца, заплатила. Хлипкая историйка. Соврал Серега.

– Может, ты и прав... У тебя чувства к жене остались?

– Не знаю... Вспоминаю о хорошем. Вроде родной человек. Но в основном думаешь о ней – холод, пустота межгалактическая. И жизнь ее личная – теперь не мой вопрос...

– А ты боец, – Барт с восхищением похлопал Макса по

спине.

– Ты тоже ничего, – улыбнулся Макс. – Только техника немного странная.

– Моя, – самодовольно заметил Барт. – С вкраплением теквондо, бокса и джиуджицу.

Шаг 8. Работа для кладоискателя

Дома было всё перевёрнуто.

– Твою мать! – резюмировал Макс беззлобно, он понял это ещё внизу, да и привык к выходкам жены.

– Holy shit, – подтвердил Барт.

Макс зашел в комнату мамы. Там не было явного беспорядка, но было понятно, что что-то искали. И даже понятно что. Причем искала явно Светка.

На столе лежала записка.

«Максим! Отдай Свете то, что должен. Ты итак ничего не делаешь для семьи, ещё и скрываешь доходы.

Уехала на дачу к тетё Наде, приеду, поговорим.

Мама».

Начинались выходные.

– Да, у тебя жена штучка ещё та.

Макс глянул на Барта.

– Я это... – развел руками Барт, – метафорично. Штучка – коробочка – женщина с загадкой. А вообще обожаю стерв. С ними всегда интересно. Много неожиданностей. По-моему это очень возбуждающе...

– И много у тебя их было?

– Кого?

– Стерв.

Барт расхохотался.

– Я их только сейчас так начал классифицировать. И чисто гипотетически они возбуждают.

– Ничего хорошего, – вздохнул Макс. – Она еще и жадна, как обнищавший миллионер. Причем жадна избирательно, на себя ей ничего не жалко. Не знаю градус ее стервозности, но вот градус жадности в ней велик.

За разговорами Макс в очередной раз прибирался в комнате. Его злила эта ситуация.

– А еще она упёртая очень. Если решила, – добьется обязательно. Понравилась ей видать шкатулочка. И пока она её не получит – не успокоится. Надо что-то делать?

Барт стоял посреди комнаты, соединив подушечки пальцев между собой, а указательные обкатывал друг об друга и внимательно наблюдал за процессом.

– Барт, – позвал Макс.

– А?

– Надо разруливать ситуацию.

– Не надо тебе здесь жить. Живи у меня.

За секунду до этого у Макса мелькнула такая мысль, Барт снял ее с языка.

– У меня здесь мама живет...

– Маму отправь в санаторий.

– У меня денег нет.

– Давай я тебе ссужу денег в счет будущих гонараров.

– Я думал, – ты шутишь. Только Светка этого не оставит.

Сразу потребует и себе денег. И мама на это не пойдет.

– А мы сделаем это помимо тебя.

– Жене твоей надо доказать, что шкатулки у тебя нет. Она у тебя телевизор смотрит? Или радио слушает? В Интернете постоянно?

– Ну да, и слушает и смотрит, и в Сети круглосуточно.

– Значит, запустим disinformation.

– Это как?

– Не беспокойся, я все устрою. И надо ее отправить вместе с мамой в санаторий. Они у тебя ладят?

– Ладят.

– Вот и славненько. Сделаем так, что маме твоей на работе две путевки вручат.

– А сын?

– Не переживай, устроим. Если у тебя есть враги, сделай из них друзей.

– Она упёртая, попортит нам ещё крови.

– До их отъезда поживешь у меня.

– Здесь нельзя. Парадная одна. Во дворе будут ловить.

– Прав. Значит, в другом месте будем жить. Ты собери вещи.

Макс достал рюкзак и стал скидывать туда необходимое.

– Слушай, Барт, а откуда у тебя столько бабла?

Барт нахмурился:

– Моя семья, how to say, владеет кое-какой собственностью. И мне принадлежит часть семейных акций.

– Было заметно, – Макс усмехнулся, встряхнул и завязал

тощий рюкзак. – Я готов.

– Пойдем, переночуем здесь, а завтра переедем. Думаю, у нас есть время. Если твои знакомые не будут куражиться, – Барт потрогал распухший нос.

– Не будут, – заверил Макс. – Им тоже время «на поду-мать» надо.

– А мне позвонить надо в пару мест, – загадочно сказал Барт.

– Мне тоже, – важно произнес Макс, и набрал номер своего приятеля, который работал в полиции.

Шаг 9. Рыба и работа

Когда Марлен уже подумала, что встреча отменится, и собралась позвонить, то поняла, что у нее нет координат клиента. Ничего кроме имени. Но в половину двенадцатого, раздался звонок в дверь.

– Я от Виктора, – сообщил голос за дверью. – Вы назначили встречу в ресторане.

Марлен улыбнулась: «Подмена понятий, граничащая с лестью. Явная манипуляция. Чтобы я почувствовала себя тоже человеком. Неглупый дядька».

Марлен распахнула дверь:

– Проходите.

– Я подожду здесь, если вы еще не готовы, – отозвался посыльный – строгий парень в не менее строгом костюме.

Марлен, в общем, была готова для деловых переговоров, но в связи с последними действиями Виктора решила переиграть.

– Буду готова через пять минут, – пообещала она.

Оставила дверь открытой – человек остался на лестнице.

Пробежала в комнату скинула брюки, жилетку, блузку, надела длинное бирюзовое платье, распустила волосы из пучка, расчесалась. Подвела глаза, мазнула губы. Мгновенные макияжи и перевоплощения ей удавались блестяще. Незря она когда-то мечтала стать актрисой. Но ведь и психо-

лог должен быть актером. Последний штрих – туфли Jimmy Choo на высоких каблуках. Марлен оглядела себя – гармонично, призывно, но строго.

Через десять минут она села в машину с молодым человеком и они помчались по ночному городу к «Мансарде». Понятно почему, ночью – свободные дороги, ощущение спокойствия. Они поднялась на лифте, ресторан был на крыше,

Виктор был похож на известного актера или модельера, в хорошем костюме, но в холемом лице не хватало лоска, проглядывал возраст, хотя сразу невозможно было определить сколько ему. И можно было понять о его бурном прошлом.

Оглядев ресторан, она сразу поняла, что это он, хотя водитель остался на пороге и не подал ни знака. Вернее, молодой человек остановил взгляд на хозяйине и остановился – этого было достаточно, чтобы понять.

Марлен прошла без сомнений к столику у огромного в пол окна и присела.

– Здравствуйте, Виктор.

– Марлен... – отозвался он. – Положительно удивлен... Ты прекрасна. Прости, я позволил себе заказать: сибас на гриле и панна-коту на десерт.

Марлен почувствовала опять манипулирование. Это были ее любимые блюда. А Виктор лучился обаянием.

– Спасибо.

– А я люблю стейк с кровью. В Нью-Йорке люблю заказать с прожаркой blue, но здесь предпочитаю rare. Может вы тоже

хотите мяса? Это брянская мраморная говядина. Неплохая, если не пробовал аргентинское.

– Нет, спасибо. Сибас для меня как-то ближе.

Он заулыбался:

– Надеюсь, вы кушаете после 6 вечера.

– В такое время буду рассматривать эту трапезу, как завтрак. Или, что ж, вы обрекли меня на недельное голодание?

Марлен огляделась. Она еще не была здесь. Небольшие столики, минималистичный дизайн, подчеркивающий главный элемент интерьера – потрясающий вид. За панорамными окнами лежал весь Петербург. Прямо на нее наваливался всей своей мощью Исаакиевский собор, подсвеченный тусклым светом золотой купол выглядел порталом в другое измерение, в другой мир. Марлен вдруг почувствовала, что эта встреча изменит ее жизнь.

Виктор отправил восвояси молодую смазливую деваху очень высокого роста, сидевшую рядом.

– Иди, возьми в баре коктейль. Я тебя позову.

Марлен казалась спокойной и отстраненной. Хотя отмечала про себя многие вещи.

Подали закуски.

Марлен пригубила вина – зацепила кусочек сыра.

– Вы же меня не просто поужинать пригласили? – проворковала она.

– Почему же не провести ужин с красивой женщиной и приятной собеседницей.

– Красивую женщину вы только что отпразднили, – улыбнулась Марлен, намекая на удалившуюся красавицу.

Виктор расхохотался, открыто, во всё горло, без стеснения, – так ведут себя люди, которым позволено всё.

– Благо сегодня с красивыми женщинами мне повезло вдвойне. Вы ведь из Риги родом? Веселый городок.

– А я вот, сбежала, слишком веселый для приезжих. Кругом пьяные англичане.

– Да, в Нью-Йорке тоже весело, но пьяные йоркширские гопники не встречаются на каждом углу.

– Если выбирать, то я бы выбрала не Нью-Йорк, а Саратов, – невозмутимо сказала Марлен.

Виктор посмотрел на нее с интересом. Марлен пояснила.

– Вечером Саратов погружается в такую темень, что всю грязь просто не видно, а в Нью-Йорке столько огней, что каждый брошенный окурок подсвечен с нескольких сторон разноцветным неоном.

Виктор улыбнулся.

– Так что же вы в Саратов не переехали? В Питере все же, светлее. Вся грязь видна.

– Не люблю города, начинающиеся на букву «С».

Марлен решила не напрягать клиента, в таком расслабленном состоянии он мог рассказать много больше. И она болтала, болтала. Надо будет – сам скажет.

Ужин был закончен. Марлен с удовольствием и немного с жалостью смотрела на кости рыбки в своей тарелки, испач-

канные в желтом соусе. И, чтобы не жалеть о рыбке, Марлен стала чаще потягивать вино. И гадать о том Ангел Виктор или нет. На ангела он не был похож.

Наконец, в паузе обозначенной глотком вина, Виктор произнес:

– Ты мне подходишь. Не зря мне тебе рекомендовали.

– В каком качестве подхожу? – уточнила Марлен – Может, вы в таком качестве не подходите мне.

Виктор ухмыльнулся:

– Если мне это подходит, то подходит.

– Не знаю... Можно ли стыковать Союз с Аполлоном? – спросила Марлен, прихлебнув из бокала вина.

Виктор высокомерно хмыкнул:

– Я хочу нанять тебя личным психологом.

Марлен плавно подалась вперёд и в упор посмотрела на него.

– Что будет входить в круг моих задач?

– Мне нужен человек для наблюдения за подчиненными и м-м-м... партнёрами. Мне нужно знать насколько они правдивы. И ты мне будешь об этом сообщать. Ты будешь постоянно при мне, твоя зарплата увеличится фффффф втро... вдвое, все передвижения-шнедвижения, рестораны-мандараны будут оплачиваться, шминницы-гостинницы тоже.

– Втрое меня устраивает больше, а лучше в пять раз, – произнесла она с улыбкой стервы.

– Сегодня – да. В честь знакомства. А зарплата – вдвойне.

Думаю, это неплохая сумма.

Марлен кивнула:

– Мне это подходит, – улыбнулась холодно она.

– Тебя отвезут. Завтра заедут.

Всё это было хорошо, но Марлен не приблизилась к разгадке, есть ли связь между Виктором и Ангелом.

– И что ты можешь дать мне Ангел? – тихо пропела она, ловя эмоции новоиспеченного боса.

– Что? – глянул Виктор.

– До свидания.

И Марлен пошла к выходу. Тут же рядом с Виктором возникла та очень высокая девушка.

«Телебашня в ресторане, – подумала Марлен и ещё раз тихонечко пропела, – И что ты можешь дать мне, Ангел...»

«Нет, он не Ангел», – решила Марлен.

Шаг 10. Полный засвет

Макс проснулся на новом месте рано. Еще раз оглядел комнату Барта. Снова заснуть не получалось. Он не знал куда себя деть и сел за комп.

Барт проснулся от того, что Макс мастерски и изощренно матерился.

– Что ещё хорошего? – протянул Барт.

– Светка на форуме устроила обсуждение с названием «Ой, а что это за шкатулочка?» Понимаешь, о какой шкатулке идет речь?

Барт подскочил с кровати.

– И что пишут?

– Всякое. Но к шкатулке это имеет мало отношения. Народ развлекается. Пишут, что это ларец Клеопатры, в которой она змею хранила, и что змея эта еще жива, поэтому открывать опасно.

– Змею, 2000 лет, – задумался Барт.

– Мы ей сейчас еще накидаем дезинформейшен... Как говорит один мой приятель из Штатов, – Макс хищно улыбнулся.

– У тебя есть приятель из Америки?

– Да, – ответил Макс. – Бартом зовут.

– Как и меня, – нахмурился Барт. – Да ты шутишь, – Барт хлопнул Макса по плечу. Никогда не поймешь вас русских

когда вы шутите, когда серьезно говорите.

Макс колдовал над компом.

– Дай-ка я! – хотел вклиниться Барт.

– Погоди сначала я сам

– Только не от своего ника, – забеспокоился Барт.

– Знаю, – отрезал Макс и написал сообщение: «Это шкатулка персидского царя Кира. В ней мощи коня, который утонул в реке Диале, после чего река была казнена».

Барт потерял руки и заулыбался:

– Смешно. И толково... А ты знаешь, кто жил до тебя в комнате?

– Слесарь депо, вроде. Иванчук, – вспомнил Макс.

– А жена знает об этом?

– Знает.

Барт сел за комп.

– Погоди, – сказал Макс. – Нельзя.

– Это почему ещё?

– Надо ай-пи адрес сменить, а-то нас мигом вычислят

– Как у вас говорят, не учи ученого? – сделал гримасу

Барт. – У меня нужная программка имеется.

Барт запустил программку, вошел под другим ником и написал:

«Это шкатулочка слесаря Иванчука. В ней антисоветская переписка. Шкатулку сам смастерил. Найдена при работах на чердаке дома на Невском. Чуть не прибила гражданина Максима Минина».

И Барт продолжил писать:

«...Если бы не этот забавный случай, даже в новости бы не попала. Исторической ценности не представляет. Телевизор слушать надо, радио смотреть!»

Макс усмехнулся:

– Для лошков потянет.

– А что? – нахмурился Барт. – Хорошая легенда.

Макс хлопнул Барта по плечу.

– Не обижайся. Хорошая.

– И еще. Я уже организовал путёвки твоей маман, жене и сыну. Пусть уедут из города.

Тут же позвонила мама:

– Максимушка, мне начальник звонил, что я выиграла путёвку в Сочи.

– Правда? – Макс разыграл удивление. – Как это получилось?

– Розыгрыш среди работников нашего НПО БОР ЭЛЕМЕНТ и мне достались путевки. Представляешь!

Мама была счастлива, Макс пожалел, что так мало радовал маму. А ведь это было так просто сделать.

– И на сколько?

– На месяц... Только ты не мечтай, я Свете предложу с Пашей.

– Я тебе то же самое хотел сказать.

– Да?

– Да, – улыбнулся Макс. – Если тебе будет комфортно.

– А с чего это мне может быть некомфортно с невесткой и внуком?

– Мам, я рад за вас. Мне-то по-любому никак, я вроде работу присмотрел подходящую

– Ну, слава Богу! – радость прямо сочилась из трубки. – Столько всего в один день! Как ты там?

– Да, нормально, мам, – Макс отключился и посмотрел на Барта.

На лице американца явно было написано «Ноу проблем! Видишь, как всё просто!»

Ему понравилась с какой легкостью Барт уладил дело с путевками, как в фантастических фильмах.

– Я тоже кое-что выяснил, – сказал Макс, – Про Иванчука. С этим Иванчуком был интересный инцидент. Он пробил дыру к соседям снизу. Вызывали милицию и рабочих для ремонта перекрытия.

– Да, интересно. Такси уже ждет. Есть работа, – сообщил Барт.

– Прямо сейчас?

– Не прямо здесь, но прямо сейчас. Есть один человек, который находится в вечной погоне за всякими раритетами.

– Это как-то связано с...

– Вряд ли, но он может выступить, как покупатель. Целевой покупатель.

– Хорошо. Только нам сейчас не до этого.

– Ааааа, – отмахнулся Барт. – Он появляется почему-то в

моей жизни всегда вовремя. И сейчас, возможно, это нам на руку. Съездим узнаем и решим по обстоятельствам.

– Ладно. А если впрягаться в его работу, то что надо делать?

– Обычно он дает инфу и просит раздобыть какую-нибудь вещь. Выступишь, как мой компаньон.

– Не вопрос, компаньон. Впрочем, мы и заняты этим сейчас, – усмехнулся Макс. – В русском языке есть такая поговорка: за двумя зайцами погонишься...

– Ни одного не поймаешь, – подхватил Барт. – Но все зависит от условий задачи. Зайцев два, нас два. Справимся.

Шаг 11. Работа липнет

В первый день на новой работе Марлен ждал сюрприз.

Марлен сразу узнала этих двух. Именно они приходили к ней после ночи общения с Ангелом. «Может, Ангел – один из них?» – мелькнула мысль. Зачем они приходили?

А сейчас они появились в кабинете у Виктора. Прутик уверенно шествовал впереди. Оглобля – за ним.

Марлен назвала кабинет овальным, посередине стоял овальный стол, за ним сидел Виктор. В лице его не хватало некоторой овальности, так бы вообще все было гармонично. Повел себя Виктор несколько эксцентрично и угловато.

Вместо приветствия запустил в Прутика карандашом. Как получилось что Оглобля оказался впереди и перехватил карандаш, Марлен не поняла.

– Охранник? – поинтересовался Виктор.

– Компаньон, – улыбнулся высокий, перехвативший карандаш. Он положил карандаш на край стола.

– Друг. Соратник, помощник, – подтвердил щуплый.

– А мог бы быть хорошим охранником, – заметил Виктор. – По крайней мере карандаши-шмарандаши ловит очень хорошо. Барт, но ты же знаешь, что у нас деловые отношения, в которые посвящать кого бы то ни было не хотелось бы. Даже если это твоя мама, даже если это твой друг. Я конечно уважаю твоих родителей, работал с тобой, но его я не знаю.

Барт пожал плечам.

Высокий усмехнулся.

– Меня зовут Макс.

Виктор недоуменно посмотрел на говорившего, затем усмехнулся.

– Сразу видно – хороший парень.

– Теперь мы работаем вместе.

– И вы будете работать в два раза быстрее?

– Возможно, – Барт был серьезен. – Если, конечно, нас заинтересует ваша история. Я теперь работаю в команде, и прошу людям моим доверять как и мне.

– Допустим, но зачем мне увеличивать сумму гонорара?

– Пока это и не требуется. Ваши расходы увеличатся только в размере необходимых трат. А сумма останется прежней.

Виктор откинулся в кресле и даже задел флаг, висящий за его спиной, бордового цвета с желтым крестом по центру и четырьмя буквами «В» в четырёх углах. Флаг Византии, как потом рассказал Барт.

– Только Барт, давай без алкоголя. Ты жрешь коньяки, как обкурившийся слон.

Барт недовольно выдохнул.

– Мне это помогает думать.

– Теперь тебе Макс помогает думать, – Виктор подмигнул. – Я устал уже от твоих запоев.

Виктор был капризен, как модельер перед показом.

– Я же нахожу тебе артефакты, – Барт нахохлился.

– А я оплачиваю эти поиски и весьма исправно.

– Ладно, повременю с коньяками, – отмахнулся Барт.

Марлен увидела, что согласился он только внешне и достроила его фразу: «Повременю с коньяками, на время и водка подойдет».

Виктор откинулся в кресле.

– Ну что ж. Посмотрим.

Барт и Макс сели напротив.

– Сейчас я ищу... – Виктор спохватился. – Очень важную вещь

– А когда это было по-другому? – спросил Барт.

– Ну да! А я узнал что меня пытались наколоть, сливали информацию.

Барт усмехнулся.

– Поэтому мы здесь. Нужно было сразу ко мне обратиться.

– Надо-шнадо... Я просто предупреждаю.

– Принято, – кивнул Макс. – В чем суть вопроса?

Виктор долго, оценивающе смотрел на Макса.

– Чай? Кофе? Может, закусить? – предложил Виктор.

– Рюмку коньяку и закусить, – Барт широко улыбнулся, как ни в чем не бывало и потер руки.

– Кофе, – попросил Макс.

– Воды, – произнесла Марлен, когда взгляд ее нового босса упал на нее.

Виктор нажал кнопку на приборе, напоминающим маленькую летающую тарелку с обтекаемыми динамиками,

стоящем на столе, и проговорил заказ. Для себя также попросил воду Perrier.

– Я сейчас, вернусь, – сказал, вставая, Виктор, сразу же после того, как закончил говорить с настольным НЛЮ.

Марлен вышла с ним.

– Что ты о нем думаешь? – спросил он за дверью.

– Спокойный, уравновешенный, не трепло, если Вы о Максе. Друзья... Вполне может быть. Хотя, скорее «приятели», – выдала Марлен.

– Приятели-вредители, все кругом враги!

Виктор покивал в такт своим мыслям и пошел, кинув:

– То-то меня и смущает, что спокойный, уравновешенный, мне легче иметь дело с такими придурками, как Барт. Ты иди к ним, я сейчас подойду.

Марлен зашла в кабинет.

Макс был ей симпатичен, он остро напомнил ей Алекса.

Макс был будто выточен из глыбы красного гранита скульптором талантливым но немного небрежным. Местами скульптура была идеальна, куски отшлифованы, а где-то обточена абсолютно топорно. Улавливался некий диссонанс в пропорциях, но уловить, что не так было невозможно. Макс был высок, статен и лицом очень приятен. Спелые полные губы, правильный нос, соломенная челка, и яркие глаза, светло-светло коричневые, почти желтые. В ярком свете они такими и казались. Марлен почувствовала, что он очень притягателен для женщин. По крайней мере, если бы ее сердце

было свободно, то притяжение бы состоялось.

Когда Виктор вернулся, Макс потягивал кофе, а Барт игрался с пустой рюмкой.

Марлен развлекала Макса и Барта пустячными разговорами.

Виктор расположился в кресле.

– Итак. Есть работа. Не зависимо от того согласитесь вы или нет – информация должна остаться закрытой.

– Так и будет, Виктор, – кивнул Макс.

– Мне в руки попал знак эпохи Павла Первого с некоторыми пояснениями.

– Знак? – заинтересовался Барт.

– Мальтийский орден.

– Судя по всему, это связано со слухами, что орден перевез свои сокровища в Россию... – предположил Барт.

– Да. Я рад, что ты рубишь фишку, – усмехнулся Виктор. – Эти сокровища должны быть найдены.

– Можно посмотреть знак? – попросил Барт. – И еще рюмку коньяка...

Виктор нажал кнопку:

– Светочка, принеси еще коньячка и попроси ко мне Хаят с фото.

Барт и Макс обернулись, следуя взгляду Виктора. Уставились на тяжелые двери темного дуба. Двери плавно разошлись и абсолютная красота всплыла в овальный зал. Помещение перестало существовать, все перестало существовать.

Макс с Батром забыли как дышать. Вроде обычная женщина немного восточного образа, но в зале будто стало светлее и запахло розами. Ее фигура и лицо были настолько идеальны, что казалось сам всевышний был ее скульптором. Она была высока, чуть ли не выше Макса, на шпильках, открытое красное платье, так скрывало линии тела, как облака не могут скрыть прелесть восхода. Очень стройная, но тончайшая талия, при ее росте, придавала ей изящество, грацию и сходство с высоким и узким бокалом для шампанского из стекла, на прозрачной длинной ножке.

Вошедшая следом Светочка с бутылкой коньяка и рюмками, казалась просто еще одной деталью интерьера.

Хаят оставила фото и присела в кресло.

Барт облизнулся. Налил себе коньяка, тут же пригубил, не отрывая взгляда от женщины.

Марлен захлестнули чувства. В первый момент она тоже восхитилась ей, но почувствовав себя обиденно, одернула себя. Марлен не привыкла быть тусклой. Она быстро протрезвела от этого наваждения и улыбнулась. Улыбайся, как победительница в любых условиях, – это был ее принцип.

– Вкусный... коньяк, – сказал Барт.

Макс был сдержан, но легкий отсвет зари лег и на его щеки.

Виктор был доволен эффектом произведенным Хаят. Вид у него был хозяина Мира, будто он управляет всеми прекрасными закатами и восходами вселенной.

Барт наконец взялся за фотки, увидел их и сразу рухнул в колодец истории. В воздухе запахло озоном, чувствовалось, как сгустились и искрились его мысли.

– М-м... Несколько необычный знак... А есть наработки?

– В некотором здании мы нашли подвал, – сообщил Виктор.

– Как странно, что у здания есть подвал, – Макс хлебнул кофе.

– Это еще один этаж, разбитый на комнаты.

– Судя по всему речь идет об инженерном замке, – Барт глянул на Виктора и понял, что угадал. – Подземные ходы?

– Неважно, о каком здании идет речь. Остальная информация потом. После согласия-шмагласия.

– Что в комнатах?

– Рыцарские доспехи. Это уже огромный шаг, – Виктор откинулся на спинку кресла. – Находка мирового значения. Но есть мнение, что подвал этот скрывает нечто большее.

–

Это все? Все что у вас есть?

–

А тебе этого мало? – ухмыльнулся Виктор. – Ключ к тайне, умный человек, может отыскать в своих знаниях. Ты же умный?

–

Ignorance

is

the
curse
of
God
;
knowledge
is
the
wing
wherewith
we
fly
to
heaven

, – произнесла Хаят на английском, и далее перешла на русский с сильным акцентом, – вы же понимаете о чем я.

–

Вы о книге или о библиотеке? – спросил Барт и внимательно посмотрел на нее.

–

Книги пишут люди, – ответила Хаят и улыбнулась, явив всем белоснежные зубы, эффектно контрастирующие со смуглой кожей.

– Хорошо. Надеюсь у нас есть время подумать? – спросил Барт вставая. – Скажем, сутки.

Виктор кинул на стол пачку фотографий с рыцарями на

постаментях.

– Подумай, подумай, – кивнул Виктор.

Барт перекладывал фото, взгляд его играл, как начищенные доспехи на солнце.

– У меня просьба, Виктор, – отложил фотографии Барт, – можно я покажу Максиму музей? Он очень хотел посмотреть.

Виктор расплылся в улыбке, он стал похож на кота, которому чешут за ушком.

– Покажи, Марлен тоже будет интересно. Я не пойду с вами, у меня еще встреча. Вас потом проводят. Он нажал кнопку селектора: «Света, проводи гостей в музей»

Шаг 12. История карты

– А почему ты не согласился сразу? – поинтересовался Макс, когда они ехали на такси домой.

– Не надо проявлять излишнюю заинтересованность, – пожал плечами Барт. – Согласимся завтра.

– Обратил внимание на эту Марлен?

– Что понравилась? – Барт пихнул Макса. – Не рано ли ты снова захотел жениться? Меня больше заинтересовала Хаят. Вот это женщина! От нее какой-то свет исходит.

– И свет и тьма. Она прекрасна, но у меня к ней двойственное чувство. Свет с червоточиной какой-то.

«Если возникла в душе эта настороженность, значит, что-то не так, значит, сближаться нельзя», – додумал он уже не проговаривая вслух.

–

Кстати, что она говорила? – спросил он.

–

Эта цитата из Шекспира висит в здании библиотеки Конгресса. Про то, что знание – свет, а незнание – тьма.

Макс думал о Марлен. Ему вдруг захотелось поглотить её. Почувствовать до последней клеточки. Чтобы она стала им. Это было новое чувство, новоприобретение. Он чувствовал себя огнем, хотел пищи. Чтобы стать сильнее, ярче. Но разум говорил: не нужно. Вместе с тем обостренная человечность

кричала: ты сожжешь ее – останется пепел. И потрескивали мысли, что может так и нужно. Может, ей нужно сгореть.

«Стерва, похоже, еще та, в моем вкусе, – про себя усмехнулся Макс, а вслух произнес:

– Думаю, Марлен будет за нами приставлена, если нам вообще надо соглашаться на эту работу.

– Обычная практика. Не верь, не бойся, не проси, – Эта фраза с английским акцентом звучала особенно впечатляюще. – Виктор никому не доверяет. Его принцип надзор над надзором и контроль верхнего надзора.

– Ты вообще планируешь соглашаться?

– Один час утром стоит двух вечером..

– Утро вечера мудренее? так что ли? Интерпретация?

– Ага, – отозвался Барт.

– Ты с Виктором работал?

– Да, у него большой бизнес здесь. В начале двухтысячных вложил удачно в растущие бизнесы, тогда у вас все росло как на дрожжах. И в Америке тоже проинвестировал пару стартапов. Чистая удача. Потому что он в IT-технологиях практически не разбирается. Виктор больше по истории, частный коллекционер, причем коллекционер до дрожи в пальцах. Некоторые экспонаты добыл ему я. Например, карту. Обратил внимание?

– Ничего примечательного... – сказал Макс,

– Я из-за карты устроил эту экскурсию! Хотел, чтобы ты посмотрел.

– Это не та карта, о которой ты говорил? Типа волшебная.

– Именно! – Барт чуть подпрыгнул от раздирающих его эмоций. – Только Виктор знает не обо всех ее свойствах. Карта мистична, волшебна. Если ты заметил, то на карте пятна. Они появляются и исчезают с течением времени. И наше событие отпечаталось на карте, я внимательно посмотрел след этого события и в нашем доме и том доме, куда мы пошли!

– Я подумал, когда ты потащил меня на Староневский, что у тебя крыша едет.

– Многие так думают, – со всей серьезностью произнес Барт.

Они ехали, а Барт рассказывал:

– Невский, как искривленное зеркало, где прошлое и настоящее сходятся в одной точке – точке излома. Невский должен был быть идеально прямым, строители немного промахнулись. А из-за этой ошибки и получился такой эффект.

– Это предположение?

– Предположение – только то, что причиной искривления строители. Каждое событие на Невском проспекте имеет свое отражение – это факт. В котором мы могли убедиться. Я сам проверял не раз эту теорию, – говорил Барт. – ты обратил внимание на особенность карты?

– Не обратил, обычная старая карта.

– Невский на ней идеально ровный! Это копия карты проекта Невского проспекта. Подобных карт больше нет в мире!

– Ты знаешь, я не все знаю, – усмехнулся Макс.

– Кстати, мне попала в руки шведская карта века так двенадцатого. Там место, где проходит сейчас невский называется Чертов Берег.

– В приятном месте мы живем. Не зря Петербургу столько мистики приписывают.

– Собственно, участниками одного события стали и мы, это отразила карта, – улыбнулся Барт. – У меня есть десятков документально подтвержденных фактов из прошлого. В шестидесятых, в отеле Невский Палас, тогда он назывался гостиница Балтийская, останавливается некий иностранец, требующий определенный номер. У иностранца этого как потом выясняется были сведения о кладе. Он ночью вскрывает пол своего номера и находит металлическую коробочку, до утра он пытается ее выковырять, а она оказывается креплением люстры в номере снизу. Люстра благополучно рухнула, ухлопала двух постояльцев. В этот же день на Староневском проспекте, дом тебе сейчас не скажу, а врать не буду, с потолка обрушивается золотой дождь. Непонятным образом вскрывается тайник, обогащая жильцов квартиры. Они заявили о находке, об этом писали в газетах. А в соседнем доме с Паласом была похожая история, но более прозаичная. Хотя тоже связанная с находкой огромных денег.

– Как ты-то связался с этой картой?

– Я наткнулся на эту карту случайно. Сначала я узнал о свойствах карты у бывшего владельца, который испугался

обладать таким артефактом и продал ее. А я выкупил эту карту у антиквара и не без выгоды для себя продал Виктору. Так, кстати, мы с Виктором и познакомились. Он заказал анализ карты. Экспертиза подтвердила, что карта восемнадцатого века. А пятна ничего особенного не представляют. Старение бумаги и воздействие влаги. Такая вот история. Но с тех пор меня неотрывно преследует мысль, что любое событие зеркально. Что бы мы не делали, за нами это кто-то повторяет.

– Это твоя тень повторяет все за тобой.

– Мечта любой тени – отбрасывать собственную тень, – глубокомысленно изрек Барт.

– А куда мы едем? – поинтересовался Макс, понимая по пролетающим пейзажам, что едут они не к Невскому.

Водитель занервничал и назвал адрес на Крестовском острове.

Макс недоуменно взглянул на Барта.

– Мы едем ко мне, – заявил Барт. – Нам больше нечего делать на Невском.

– Дружище, – сказал Макс шоферу, – сначала заезжаем на Невский, ты нас подождешь пять минут.

Барт хлопнул себя ладонью по лбу, видимо, он забыл про ларец абсолютно.

Водитель очень сильно занервничал. Видимо, он не раз уже ждал так и не дожидаясь своих денег.

– Барт, заплати ему на сколько договаривались, остальное

и чаевые – потом.

Барт расплатился. Водитель тут же успокоился.

– Вот память, – посетовал Барт. – Видимо в кабаке уснула.

Шаг 13. Вызов любимого

Марлен скучала. Её скука была особого рода: она скучала по Алексу. Всё чаще и чаще она видела его фигуру, лицо в толпе. Ей хотелось его окликнуть, но тут она вспоминала, что Алекса давно нет. А он приходил к ней во снах, и спрашивал: «Ты меня забыла? Что ты меня не окликнула? Ведь это был я». Марлен просыпалась с надеждой, что это правда. Но рядом никого. Только глаз неба – луна смотрит в окно. Вернее, не глаз, а лицо неба. И в этом светлом круге она видела любимые черты.

Марлен пыталась отвлечься, думала о работе, вспоминала Макса, чем-то зацепил ее этот парень, но входил Алекс, садился напротив кровати, закуривал и говорил: «Наконец-то я вернулся!» Будто он не разбился на мотоцикле. Его смерть и жизнь все больше обрастали слухами. От друзей приходили странные вести. Говорили, что у него было много женщин, что он искал смерти, что он знал о своей гибели.

Как было бы просто, сесть на кровати и поговорить... Но морок исчезал.

Марлен так было нужно было с ним поговорить. Ей казалось, что несколько его слов сделают жизнь легче. Отпустят воспоминания. Хуже все равно быть не могло.

И тут Марлен вспомнила о своей бабке ведунье. От нее остались теплые воспоминания о проведенных годах детства

на хуторе и сундук, который стоял в коридоре под вешалкой. Марлен туда заглянула лишь раз, когда его привезла.

Марлен приехала к бабушке перед самой ее смертью. Долго-долго не была и вдруг сорвалась без предупреждения и приехала. Бабушка Ядвига ждала ее у калитки.

– Здравствуй, Мари, – улыбнулась бабка, – хорошо, что приехала, повидаемся хоть в последний раз.

– Да, что ты бабушка, – Марлен расцеловала старушку. – Ты еще огого!

– Ох, внучка, я знаю, кому и сколько отпущено, – сказала бабушка, – пойдем в дом. Дом я тебе отписала, ты присматривай за ним. А сундук этот забери, здесь мелочи всякие, потом настанет время, разберешься.

– Бабушка, что за разговоры! – воскликнула Марлен. – Даже слушать не хочу.

Бабка только отмахнулась, но на лице у нее было написано: «Я-то знаю»

Они пили чай.

Бабка Ядвига была худенькой, маленькой женщиной, но сила чувствовалась во всём, что она делала. Она не была никогда хрупкой. Не стала дряхлой. Под сетью морщин угадывалось прекрасное лицо. А если специально затуманить взор, то морщины разглаживались, и перед Марлен сидела ровесница. Хоть на дискотеку иди. Выдавал голос надтреснутый.

Про бабку разное говорили. Говорили, что она ведьма.

Говорили, что произвела нехороших людей в тяжелые времена своим колдовством. Но как что-то случилось в посёлке сплетни откидывали и бежали к ней за советом.

В дом она редко кого пускала, только самых близких. А ходока встречала у калитки, выслушивала молча и советом одаривала.

И всё по ее слову выходило.

Плохо ли, хорошо, но так и случилось.

Многие к ней за здоровьем ходили. Между доктором и бабушкой выбирали бабушку.

Некоторые, правда, и туда и туда ходили, подстраховывались.

А она снабдит какой-то травкой или порошочком, так доктора потом удивляются, потеряв симптомы болезни.

Все называли ее баба Яга. Кто со злобой (хотя зла она односельчанам не делала, правду говорила, да, но зла не делала), кто с опаской, кто ласково-ласково, словно родную мамку кликал.

Сейчас, правда, обращались все реже, да и слухи поутихли. Старики поумирали. Молодежь разъехалась, а новые обособленно как-то живут. И не интересуется их ничего.

Чай был ароматным-ароматным, даже дурманящим каким-то.

– Ты Мари, береги себя. По женской части нелады у тебя могут быть. Но все хорошо будет. И Алекса, попридержала бы ты рядышком, а-то резвый он у тебя.

– Как же я удержу, бабушка, – улыбнулась Марлен. – Это все равно, что ветер сачком ловить.

– Я тебе травку дам. Ты не бойся, это не любовное снадобье. Он тебя и так любит. Просто притихнет немного на короткое время. Тяжелые времена у него сейчас.

– Не надо, бабушка, сами справимся.

– Не надо – так не надо. Моё дело предложить... Я ж вижу, как ты по нему сохнешь.

– Ай да бабушка! Как ты все видишь, все знаешь!

– Жила долго, вот и знаю.

К вечеру посыпались звонки по работе и в ночь Марлен укатила.

А через две недели поехала на похороны.

Бабка ушла тихо. Позвала соседку, та пришла через полчаса, а бабка Ядвига на кровати лежит во всем чистом, и не дышит уже.

Домом теперь занимался товарищ детства, он жил в том же поселке, подправлял, если что надо. И сдавал жильцам. Марлен постоянно получала от него денежные переводы. Сама-то не ездила. Далеко слишком, да и Тайланд привлекал больше, чем Латгалия.

А сундук забрала. Во-первых, вещь старинная, красивая, Марлен нравились такие вещи, она и прихожую сделала под старину.

Что-то она упустила в прошлый раз открывая сундук. Чему-то не придавала значения. Да и растерянно она как-то во-

зились с вещами. Сейчас надо быть внимательнее. Бабка Ядвига ничего просто так не говорила.

И теперь, похоже, настало время открыть сундук. Крышка поднялась легко, без скрипов и взвизгиваний. Из глубины пахло не затхлостью, а травками и благовониями. Огромное количество тряпичных мешочков, сверточков. Сверху толстая тетрадь в клеенчатом переплете.

Марлен в первый раз наткнулась на этот фолиант, хотя вынимала из сундука всё. Как это получилось? Колдовство? Ох, бабка Ядвига.

Марлен бережно взяла и открыла тетрадь – бабушкин аккуратный округлый подчерк, крупные буквы. «Приворот» прочитала Марлен. Пролистнула еще несколько пожелтевших страниц, «заговор зубной боли», дальше... «Вызов умершего человека». Марлен застыла, будто тело ее вдруг стало на миг каменным, потом прохладное дыхание вывело ее из ступора. Из тетрадки выпал листок.

«Здравствуй, Мари! Рано или поздно ты откроешь этот сундук. Из любопытства или обстоятельства толкнут тебя на это. Я не говорила тебе ничего о заклинаниях и обрядах. Ты должна сама прийти к этому. Возможно, не ты, а твоя внучка почувствует необходимость в этих вещах. Чужим не передавай эти вещи. Многие заклинания опасны. И надо слушать себя. В тетради многое объяснено, но, главное, в тебе. Слушай себя. Если ты будешь делать не так, окружающее проявит себя по-другому. Будь осторожна, внучка! И слушай

вглубь»

Марлен перечитывала и перечитывала эти строки. Тетрадь по-прежнему оставалась открытой на странице «Вызов умершего человека».

Слёзы хлынули ручьями. Разговор о детях звучал насмешкой. Ей было так больно! Потерять любимого, потерять возможность родить. Она нажала до боли на слезоточки и смахнула ручьи. И окунулась в прочтение тетради.

Полшага за грань. Энки

Инанна отрешенно смотрела вниз. Город притих. Только внизу в храме все жрецы Урука что-то хором пели. Инанна чувствовала прилив сил, словно все каналы города питали ее. Но это ее сейчас почти не волновало. Пожалуй, впервые она обратила внимание на конкретного человека. Она даже запомнила его имя. Думузи. И он предложил ей то, что никто никогда не предлагал. Ни боги, ни, тем более, люди. Жизнь без борьбы за власть между богами.

Любовь. Она почти не знала, что это такое. Боги не любят. Они правят, вершат, определяют, будет ли урожай, умрут ли целые города. Они борются за то, чей храм построят в городе. Сущность богов соткана из людских страха, боли, страданий, суеверий, стремлений к изменениям, мечтаний, сексуальных желаний. Из человеческих чувств перед неизведанной силой.

Но сама она почти не знала любовь. Иногда она видела, как какой-нибудь красивый юноша из бедной семьи убежал из города вместе с дочкой богача, не желавшего свадьбы с неровней. Они редко были счастливы. В других городах для них не было места. Но они бежали, и были счастливы. Инанна вспомнила, что иногда завидовала им. Их порыву, их смелости и тому чувству, которое люди называют любовью, безграничное, безрассудное, бесконечное.

Думузи. Он ведь человек. Ее вдруг охватил прилив чувств ко всем людям. Ей захотелось обогатить их жизнь, дать им пищу, дать им богатство, дать им знания, как Великая река Бурануну разливается и дает их земле питательный ил. Ведь люди, по сути, создали ее. Да, вначале она была толстой и безобразной, с широченными бедрами удобными только для рождения потомства. Но ведь люди и их вкусы меняются. Она вдруг осознала, что чем лучше они живут, тем лучше она выглядит, тем больше она себе нравится.

Думузи. Она не помнила его лицо, но зато помнила его взгляд, видела его сердце, горячее и громкое. Ей вдруг страшно захотелось увидеть его снова, чтобы он был рядом. Прямо здесь, прямо сейчас, рядом с ней. И, чтобы он увидел ее. Красивую, горячую, страстную, громкую. Она страстно возжелала обрести человеческую плоть. Богиня в человеческом облике – что может быть прекраснее и сильнее. И Думузи сможет увидеть ее не только во сне. Сможет дотронуться до нее не только во сне. И она сможет отдаться ему не только в мечтах.

Для этого ей нужна сила и власть верховных богов. Та власть, которую они спрятали от людей, чтобы избежать катастрофы. Та власть, которую боги спрятали от самих себя, чтобы не искушать.

Решение пришло быстро и поразило даже ее самую смелостью и лихачеством.

Богиня призвала свою служанку Ниншубуру помочь ей.

Ниншубуру был идеальной служанкой. Когда требовалось, она представляла в образе красивой хрупкой девушки, умелой в рисовании ресниц, теней, румян, знающей толк в нарядах и прическах. И, конечно, делилась всеми последними сплетнями о многочисленных родственниках богини. Когда богиня была в опасности в ходе споров с другими богами, Ниншубуру становилась грозной воительницей. Ее фигура менялась, мышцы на руках и ногах наливались силой, в руках появлялся огромная железная цепь, которая не позволяла подойти ни одному врагу, ни одному чудовищу. Если богиня уставала, то Ниншубуру становилась заботливой матерью, укладывала голову Инанны себе на колени и гладила мягкой теплой рукой по волосам, и щекам. А если нужно было что-то сообщить кому-то, то быстрее Ниншубуры мог быть только солнечный свет. Она летела сквозь расстояния, чтобы передать волю или просьбу своей госпожи.

Ниншубуру накрасила Инанне глаза тушью, одела ей подвеску на грудь из топазов. Красивые желтые камни, связанные крепкой шерстяной нитью, представляли собой тонкую паутинку. Золотой цвет камней словно лучами солнца, освещал ее безукоризненную бронзовую кожу, ее совершенную грудь.

Инанна посмотрела на себя в зеркало облака и осталась довольна. Сетка плетеная из черной шерсти, на бедрах скрыла лишнюю, по ее мнению, полноту. Тушь обращала внимания каждого, кто ее мог увидеть, на огромные черные глаза.

Она знала, что сегодня ее красота и обоняние станут главным оружием.

Инанна направлялась к великому Энки, повелителю подземного океана, и хранителю всей мудрости мира. По представлениям людей он приходился братом ее деда Энлиля. Хотя, наверное, Энки уже забыл об этом. Нелегко помнить обо всех твоих родственниках, когда живешь один, глубоко, далеко от мира, и почти никто тебя не навещает. И не легко устоять перед просьбой прекрасной девушки, одетой столь призывно и изящно.

Старый добрый могущественный Энки. Он обитал в бескрайних просторах подземного океана Абзу. Но главное. Где-то там, в глубинах этого океана, он хранил Ме, таблички со священным знанием, обретя которые, Инанна смогла бы обрести могущество, а народ Урука, почитающий ее, силу и власть над всеми шумерскими городами.

Она отправилась в путь не одна. Ее верная спутница Ниншубуру следовала за ней.

У входа в АБЗУ, ее встретил огромное величиной с гору двуликий Исимуд, верный прислужник Энки. Мало того, что двуликий, но еще и меняющий эти лица в зависимости от настроения своего хозяина. Сейчас лицо, повернутое к ней было человеческое, и даже приятное на вид: абсолютно лысый череп, подведенные углем глаза. Она выглядел как человеческий жрец (может именно поэтому Инанне и понравился этот облик, очень сложно разделить свою собственную

сущность, от создаваемый людьми представлений). Другого лица Инанна не видела, и никто его не видел, кроме Энки. Отец Инанны говорил, что горе тому, кто увидит второе лицо Исимуда.

Исимуд пропел басом, что хозяин, великий Энки, приглашает дорогую гостью за стол.

Терраса обиталища дома Энки находилась на огромной плоту посреди великого океана. Воды были спокойны, тихонько плескаясь черными волнами об огромные бревна поддерживающие террасу на плаву. Вокруг стола стояли двенадцать стульев.

Хозяина не было. Инанна сидела за столом одна, Ниншубуру осталась стоять поодаль, а Исимуд прислуживал почетной гостье. Как бы он ни поворачивался, было видно только одно его лицо. Он подливал ей сладкое вино, накладывал ячменный пирог с маслом и мясом. Инанна пила, ела, но Энки не появлялся. Однако, Инанна знала, что это ничего не значит. Наверняка он наблюдает за ней. Неотрывно. Поэтому богиня старалась принимать самые изящные позы, томно отхлебывала пиво из глиняных стаканов, и задумчиво смотрела вдаль.

Энки, появился неожиданно. Инанне показалось, что он все это время сидел за столом, просто вдруг решил, что Инанне пора его видеть. И слышать.

– Прекрасная Инанна, – его голос загредел на все просторы бескрайнего океана. – Город Эриду – щедрый город, при-

нес мне в жертву корову и молодое вино. Как тебе оно?

– Оно будет еще вкуснее, если великий Энки выпьет вместе со мной, – улыбнулась Инанна и слегка подалась телом в его сторону.

В Энки и его брата Энлиля люди начали верить очень давно, задолго до того, как они стали обращать внимание на урожай и плодородие, за много веков до появления первого образа Инанны. Энки появился задолго до того, как люди вообще научились мыслить. Это древнее божество, сотканное из инстинктивных чувств, страхов, ощущений. Древний и могущественный бог.

Энки тоже преобразился с тех пор. Из грозной бесформенной и бестелесной сущности, из необъяснимой силы природы, он постепенно превратился в немолодого и крепкого телосложением бога. С бородой, мудрыми живыми глазами. Слишком даже живыми.

Инанна заметила, как Энки смотрел на нее, на ее грудь, едва прикрытую сеткой из топазов, заглядывал в ее глаза. Как он громко смеялся и старался рассмешить свою гостью. Как он с удовольствием отхлебывал вино из глиняной чаши. Как он спрашивал Инанну обо всем, и рассказывал о себе.

Богиня весело смеялась, поднимала одну чашу за другой, требовала, чтобы двуликий Исимуд подливал и ей и Энки. Лицо Исимуда, повернутое к ней только одной стороной, становилось все добрее и веселее. Когда язык Энки стал немного заплетаться, и он начал подсаживаться ближе к Инанне,

пока не оказался совсем рядом. Пора действовать, решили богиня.

– О Великий Отец, – начала она. – Я пришла к тебе за помощью. Могу ли я рассчитывать на нее?

– Спрашивай, и все что в моих силах, я исполню, – про-рокотал Энки.

– Ты добрый и мудрый, ты знаешь все и можешь все, – сладко мурлыкала Инанна наклонясь к нему и почти касаясь своим обнаженным плечом его локтя. А я слаба и беззащитна.

– Кто тебя обидел? – рука древнего бога обняла ее за плечи, и Инанна содрогнулась от великой и древней силы, исходящей от этого объятия. Но надо было действовать быстро.

– Я слаба.

– Ты прекрасна, – и Энки начал притягивать ее к себе.

– Я слаба и беззащитна, и мой народ Урука не может в должной мере дать мне силы. Они не знают как правильно возделывать землю, они не знают, как возносить почести мне, они не знают ничего.

– Я могу дать тебе силу, – Энки прижал ее к себе.

Инанна ловко вывернулась и встала. Глаза Энки были уже мутные.

– Я прошу не так уже много. Дай мне священные таблички МЕ, с мудростью и знаниями, которые ты хранишь. Я отдам их своему народу и они станут богаче, мудрее и сильнее. И сделают такой и меня.

– Таблички знаний... Зачем они тебе? Зачем они людям? Знания опасны.

– Опасно жить без знаний, – почти прошептала Инанна, глядя прямо в глаза Энки.

– Исимуд, собери ладью и погрузи на нее таблички Ме для прекраснейшей Инанны. Это моя воля. Но и я должен получить что-то взамен, – сказал он лукаво посмотрев на богиню.

– Конечно, Великий Энки. Ты обязательно получишь. Я вернусь к тебе могущественной богиней. Разве, не стоит выпить за это?

Инанна сама налила стакан до краев вином и протянула его Энки. Тот с радостью и воодушевлением выпил. И обмяк.

Свой нетронутый стакан Инанна поставила на стол и обратилась к Исимуду:

– Ты слушал, что приказал Великий Энки. Исполни!

– Уже исполнено. Ладья нагружена.

– Передай Энки, что я благодарна ему за прием и выполненную просьбу.

Она взошла на ладью и та понесла ее по океану к выходу на небо. Инанна была счастлива. С этими табличками она станет сильнее чем ее сестра, владычица мира мертвых, могущественней чем ее отец, бог Луны, мудрее чем ее дед Энлиль. Люди будут почитать ее превыше всех остальных богов. И она сможет обрести человеческую плоть, чтобы быть с Думузи.

Шаг 14. Магический круг разомкнут

Марлен вытащила все из комнаты, вымыла до блеска полы. Всё, что было необходимо для заклинания, было в сундуке. Страшно не было, хотя она понимала, что последствия могут быть плачевными.

Она посмотрела что сегодня за день. А день был не простой, кроме того что была первая четверть луны, как было нужно для ритуала, это было второе рождение Алекса. Несколько лет назад Алекс именно в этот день пережил клиническую смерть. Она четко помнила это число. И даже подумала, что не спроста Алекс так зачастил к ней перед этой датой. «Слушай себя», – так написала бабушка. Ничем другим Марлен и не занималась.

В сарафане на голое тело, с распущенными волосами, крестиком на шее, она окуривала ладаном комнату.

Марлен взяла уголек, поцеловала крестик. Она не знала, как и что нужно делать, а в тетрадки бабушки Ядвиги пояснений по этому поводу не было, но Марлен чувствовала – пока все хорошо. Бабушка написала, что уголек этот взят из печи в чистый четверг и начертила круг. Она ползла на коленях по полу по часовой стрелке, чертила, следя, чтобы круг был непрерывным. Зажгла сорок свечей.

На улице раздался пронзительный свист, завершившийся оглушительным хлопком. Выше этажом распахнулось окно,

и свирепый мужской голос проорал: «Мать твою! Я вам сейчас покажу! А ну отошли быстро от машины!!»

Марлен была спокойна, она воспринимала события отстраненно. Свечи горели спокойно, не шелохнувшись. Бабушка писала: «следи за свечами, если хоть одна погаснет, прекрати ритуал».

По лестнице пробежали с криками.

Марлен медлила. Настраивалась. Теперь ей нужно было прочитать перед заклинанием сорок раз «Отче наш».

Она выдохнула и начала:

«Отче наш сущий на небесах...»

На дверь ее обрушились тяжелые удары. «Доча! Доча! Открой!»

Марлен решила не прерываться. «Отче наш...»

Удары стали тяжелее: «Доча, открой! Открой сейчас же, зараза!»

Из декоративной розетки на потолке, из которой свисала витиеватая люстра, закапала вода. Сначала неспешно. По капельке, потом струйкой, затем ливанула потоком. Половина свечей тут же погасла. Пламя других металось в ужасе. Марлен представилось, что огоньки – это маленькие человечки, которые хватаются за голову, шатаются. Ну да, все правильно – они боятся воды.

Магический круг был разомкнут. Мир будто бы ударил Марлен по рукам. Это могла быть и не вода, а нечто более страшное. Но Марлен предостерегли. Небольшой апокалип-

тический потопчик.

Марлен выдохнула. Сеанс, похоже, был закончен.

Она загасила свечи. Стерла круг, следуя наставлениям – против часовой стрелки.

Сходила за тазом и поставила под разрастающуюся реку с потолка. Удары в дверь продолжались: «Доча! Доча! Богом прошу!»

Марлен взяла сковородку и распахнула дверь.

На площадке стоял абсолютно голый мужик в мыльной пене, прикрывающий достоинство или недостаток, Марлен не успела рассмотреть, потому что мужик выдохнул с плотным перегаром «Твою мать» и убежал наверх по лестнице сверкая ягодицами.

Марлен села перед тазом в который стекала с потолка вода и засмеялась. Все напряжение гасилось нервным смехом.

Скоро вода с потолка перестала лить.

Казалось бы несвязанные события связались быстро. Через полчаса появилась размалеванная девица.

Она стояла на лестничной площадке и курила:

«Вы простите папика! Он машину недавно купил, а здесь феерверк этот, – сбивчиво объясняла она, то затягиваясь, то прикладываясь к горлышку пивной бутылки. – он из ванной выскочил и побежал разбираться, человек горячий, а выскочил из ванной, воду не перекрыв, – она хохотнула. – двери в спешке потом перепутал. Надеюсь, мы не сильно вас под-

топили».

Марлен улыбнулась: «Не сильно»

Девица сунула Марлен засаленную тысячу: «Вот на ремонт»

Этого было смехотворно мало, но Марлен не хотелось ни ругаться, ни доказывать... Ни, тем более, пускать кого-то в свою квартиру.

Она кивнула.

«Ну, я пойду? Проблема решена?»

«Вы уж закрывайте, пожалуйста, краны», – ответила Марлен и захлопнула дверь.

«Ну что же, – подумала она, – не зря я мебель вытащила из комнаты, ремонт сделаю. Потолок побелю, обои переклею, ну и... пол лаком покрою. Надо рабочим завтра позвонить».

В эту ночь пришел Алекс. Он был грустен.

«Не свиделись», – выдохнул он.

Она проснулась в поту. Раньше она ждала сновидений, но сейчас, в сны пришел страх, нечто тёмное. Он уже мерещился ей и наяву, в тенях, в зеркалах. «Так и сходят с ума», – думала Марлен. Она посматривала на бабушкин сундук, но помнила, чем закончился эксперимент. Происшествия были смешными, но последствия пугали. Сознание туманилось.

Она машинально взяла телефон, чтобы проверить время. 3 часа ночи. Тишину разорвал громкий писк, возвестивший о приходе СМС.

«Не смей соваться в потусторонний мир! Ангел»

«Ангел, я ждала тебя, – быстро написала Марлен. – Мне надо многое понять, и без тебя наверное не разобраться»

Но ответа не было. И Марлен, как ни странно, заснула.

Ей приснился круг из свечей. Марлен сидела голая в этом кругу, ей было спокойно. Но в свечах то в одной, то в другой появлялся вдруг холодный темный профиль Алекса. Свеча тут же вспыхивала и гасла. Так Марлен оказалась в полной темноте, но темнота была теплой, не пугающей, сущность вещей обозначилась сиянием. Свечи вдруг загорелись вновь спокойным, ровными остриями. В одном огоньке объявился вдруг Макс.

«Всё будет хорошо, детка. Я тебя защищу», – сказал он.

Шаг 15. Любитель карт

Барт распахнул дверь.

– Прошу!

Сам пролетел на кухню, тут же достал бутылку водки, набулькал половину фужера.

– Будешь?

Макс отказался.

– Как говорят русские: будем! – и Барт заглотил содержимое.

– Осматривайся, я пока поесть приготовлю, есть охота от всех этих переживаний.

Квартира была огромна. На последнем этаже. Некоторые окна находились почти на потолке и смотрели в небо. Кухня – она же столовая, просторный холл, кабинет, спальня, тренажерный зал, еще спальня, ванная комната, два туалета... И одна из комнат поразила Макса. Он оказался в глобусе. Картины материков располагались, где им и положено, но изнутри сферы. Макс ошарашенный пошел в кухню.

– Зачем из квадратного делать круглое? – спросил он.

Барт, непонимающе посмотрел на Макса. Макс махнул рукой в сторону комнаты, у него не было слов для описания увиденного.

– Ты о глобусе? – улыбнулся Барт. – Люблю карты. И это, кроме прочего, стрелковый тренажер.

– Тренажер? – удивился Макс.

– Потом покажу. Большая квартира?

Макс сел за стол.

– Большая, – согласился он.

– Вот и мне кажется, великовата. Неуютно здесь одному. Я сначала народ звал, тусил. Думал, что всегда так будет, чтобы полон дом людей...

– И что случилось?

– Скучно это. Неинтересно. Разговоры одинаковые, люди одинаковые. Скучно.

– Барт, а как тебя, вообще, в Россию занесло? И почему ты русский знаешь?

– Ну-ну, Макс. Не все американцы знают только английский. Я кроме русского учил французский, испанский, разумеется, знаю. В Россию приехал практиковать язык. К тому же, инвестировать в недвижимость здесь, показалось неплохой идеей. Вот и прикупил квартиру, на Крестовском.

– А почему русский решил учить? Ведь у нас с Америкой сейчас как-то не очень.

– Вы, русские, смешные. Вы думаете, что весь мир крутится вокруг вас. Что все в мире только и разговаривают о России. Я русский выучил из-за того, что в вашей истории еще много белых пятен и тайн, а для меня это магнит. Ну и Гоголь, конечно, – Барт улыбнулся.

– Это Америка – главный пуп земли и в каждой бочке затычка.

– В этом вопросе мы никогда не договоримся, – улыбнулся

Барт. – Так что давай останемся при своем.

– А чем ты занимаешься здесь?

– Сокровища ищу, по подвалам с бомжами водку пью. Разное. Дохода с семейных акций хватает, чтобы заниматься тем, чем хочу.

– Повезло, – протянул Макс.

– Ну, мне на голову шумерский сундучок не падал ни разу. Кстати об этом. Сделай пока чай, я позвоню договорюсь кое о чем.

Шаг 16. В мире много непонятного

Барт говорил по телефону. Точнее он отдавал микрофону только восклицания «Ага, понял, замечательно», а ему, похоже, через этот портал словесного хлама вливали виски и отнюдь не в ухо. Вид, по крайней мере, у него был довольный.

Макс поедал ветчину. Он водружал ее на кусок лаваша, сдвигал так, чтобы чуть зацепить хлеб, а основная масса движения зубов пришлась на розовое нежное мясо. Ему казалось кошунственным просто пережевывать деликатес. А так... Это был уже пятый кусок поглощенный таким образом с одним кусочком хлеба. Огромный бокал крепкого сладкого чая распускал кудри пара. Он изредка всасывал эти белые волосы смачно обжигаясь о жидкость. Разглядывая кухню, Макс отметил, что дизайн ее ему не нравится. Слишком скучно: абсолютно белая глянцевая мебель, стол по середине буквой «П» из толстого то ли камня, то ли пластика. Без ящиков, без шкафчиков. Видимо, поэтому все вещи валялись на немногих горизонтальных поверхностях. Макс насчитал семь бутылок виски, пустых, разумеется, 4 бутылочки соуса Табаско, тубусы чипсов Прингелс, стеклянные стаканы, и картонную коробку в которой лежали очки. Макс из любопытства достал их. Линзы на них не увеличивали и не уменьшали реальность, и они не были темными. Зато в

правом уголочке очевидно была вмонтирована камера. Макс надел их на себя, но ничего не произошло. Он положил их на место.

Барт закончил разговор.

– Я всё организовал! – сообщил Барт. – Мы сдаем шка-
тулку в банк.

– А стоит ли? – напрягся Макс. – Спокойнее, когда она
рядом.

Он начинал осознавать стоимость этой вещицы и уже до-
рожил этим богатством, боялся его потерять.

– А стоит ли таскать ларец с собой. Мы даем согласие Вик-
тору, он может заинтересоваться, что это у Макса за шка-
тулочка. И другие могут заинтересоваться. И вообще, нужна
мобильность. А если придется ехать? У тебя загранпаспорт
есть?

– Не было надобности.

– Срочно делай. Паспорт и визу. По электронке закажем
сегодня. А банк надежный, надежнее не бывает. Пользу-
юсь часто. Составишь договор, положишь в ячейку. Туда до-
браться очень сложно.

Макс не очень этому доверял, ему показалось, что Барт
обмолвился, что он положит в ячейку.

– А что будет если меня того? – сорвалось вдруг с языка.

– Того?

– Ну, убьют, допустим.

– Тьфу, тьфу, тьфу! – сплюнул Барт через плечо. – Я такой

вариант не рассматриваю! И не рассматривал.

– И что будет?

– Надо с юристами поговорить. Скорее всего, если в условиях договора прописано, что к родственникам перейдет.

– Вот Светка будет рада, – Макс ухмыльнулся. – В итоге в ее загребущих ручках все и окажется.

– А что ты о смерти? Не торопишься ли на тот свет?

– Не дождетесь!

– В банке надежнее.

– Да, прав, – согласился Макс. И принял решение, – поедем – положим.

«Как изменились времена, – подумал Макс, – раньше клады в землю закапывали под покойника. Опять покойники... Что за мысли дурные!»

Максу тоже что было рассказать Барту. Пока Барт общался с банковскими работниками Максу позвонил его приятель из полиции.

– Иванчук – наш клиент! – начал Макс. – Всю жизнь проработал слесарем в депо, затем рассорившись с начальством с шумом ушел.

– кто такой Инванчук? – поинтересовался Барт.

– Дядка который жил в моей комнате!

– Да?

– Рассказывай! – зажегся Барт.

– Я и рассказываю. Финал своей карьеры встретил в Суворовском училище сторожем...

– Где-где?

– в Суворовском, это такая военная школа для детей, – повторил Макс.

– Я думал, что я ослышался. Ты знаешь где находится этот ваш детский Вест Поинт, – Барт сделал многозначительную паузу, – в Воронцовском дворце.

Макс не отреагировал. Никогда не задавался этим вопросом. Он знал о существовании Суворовского училища, слышал что-то о Воронцовском дворце, но только сейчас эти два понятия сошлись для него в одной точке координат. Спасибо, Барт! Только к чему это.

– Сначала Иванчук зарекомендовал себя, как ответственный, честный работник, а потом у него будто крышу сорвало. – продолжил он. – Начал тащить домой, что ни попадя, от авторучек и электрических розеток, которые прилежно снимал, до более ценного инвентаря. В один момент расковырял стены. А поймали его на том, что он собирался устроить поджог на работе. Он будто сошел с ума.

– Наверное, на тот же период приходится и проковыранный дома пол к соседям.

– Наверное, в итоге оказался он в местах не столь отдаленных. При проведении психической экспертизы его признали вменяемым и отправился он валить лес. Печальный конец слесаря Иванчука.

– Может, встретиться с ним? Поговорить? Он на зоне? Или отсидел уже?

– Ни то, ни другое. И возможности встретиться нет, – Макс усмехнулся. – по крайней мере в ближайшее время. Ты, если хочешь, попробуй.

– Не понял, – Барт изумленно вздернул брови.

– Он сжег себя! – сказал Макс. Перед взором Макса встали огненные картинки. «Как здесь не поверить в мистику» – подумал он.

– Fuck! No! – Воскликнул Барт.

– Облил себя какой-то дрянью и прикурил. Сгорел, как свечка.

– Да, пожалуй, я не буду торопиться за ним, – сообщил Барт.

– Можно предположить, что ларец этот из Воронцовского дворца. Только специально он его искал или наткнулся случайно?

– Судя по тому что ты рассказал, он сначала нашел, а потом у него начался приход. Он начал искать дальше, а по ходу тащил, что под руку попадет. А чтобы скрыть безобразия не нашел ничего лучшего, чем поджег. Может, и так. Теперь трудно судить. Значит, ларец из Воронцовского дворца. Ты понимаешь, значимость того что ты сказал? – Барт многозначительно затих.

– О чем ты?

– А то, что Воронцовский дворец был собственностью российского императора магистра мальтийского ордена Павла, как и Инженерный замок, между прочим..

– То есть ты хочешь сказать, что мы нанимаемся к Виктору искать недостающую часть нашей подвески?

– Именно!!! – Барт был в восторге.

– Мне не понятно... Как так?

– Людям даются шансы. Причем, один за другим. Только надо их увидеть и использовать.

– А причем здесь шумеры?

Барт дернул плечами.

– Да наплевать на шумеров!

– И все-таки?

– Мальтийский орден достаточно древний. Конечно, по сравнению с шумерами – это младенец. Но по сравнению с нами, Мальтийский орден – это старец-старец. И у этого старца много мудрости, много тайн, за свою жизнь он приобрел много шкафов. У каждого шкафа есть свой скелет, а иногда и не один. Каждое из тайных обществ создано ради скелета, тайны, идеи, иначе оно рано или поздно разваливается. Может, Мальтийский орден хранил эти предметы в течение многих веков. Ходили упорные слухи, что сокровища ордена переехали в Россию при Павле. Это же не рыцарские доспехи в подвале! Думаю, что доспехи, это антураж. Мистически и романтично настроенный Павел мог просто ради оформления поставить этих металлических болванов.

– И ты веришь во всю эту мистическую чушь?

– Можно ли доказывать привидению, что его не существует?

– Но шумеры! Я думал, что все эти ордена связаны с артефактами касающимися Христа.

– Ага, а зона пятьдесят один – с инопланетянами. В мире много непонятного!

– Кстати о непонятном, – Макс потянулся к очкам с камерой.

– Что за очки у тебя такие чудные? Шпионские?

– Да папа прислал. Типа гугл-гласс, только опытная партия маленького стартапа. Очки дополненной реальности. Папа прикупил акции молодой компании. Они делают не ширпотреб, как у гугла, а реально крутые очки. Только я ими не пользуюсь.

– Можно я возьму? – загорелся Макс и не дожидаясь ответа нацепил очки на нос.

– Конечно. Напишешь отчет об использовании – сделаешь мне одолжение. Отец уже давно его у меня просит. Они вот тут включаются.

Барт щелкнул кнопочку и на стеклах у Макса появился логотип, затем какие-то тексты. Стекла выступали в роли экрана, при этом изображение реальности не затуманивалась. Текст только дополнял, пояснял, помогал.

– Только на встрече с Виктором и в банке очки сними. Не поймут. За шпиона примут.

Шаг 17. Водить за нос

- Ты умеешь водить?
- Что водить? – поинтересовался Макс.
- Машину.
- Я думал за нос, – усмехнулся Макс. – Конечно, умею.
- А права у тебя есть?
- Обязанности.

Барт изумленно посмотрел на Макса.

- Ты так шутишь?
- Шучу. С правами все в порядке.
- Просто я с этими машинами на «вы». В Нью-Йорке

иметь машину – безумие. Да и здесь в гараже стоит просто...

Макс загорелся. Он давно уже не водил машину. Но любил и скучал. Ему часто снились гонки. Непроизвольно руки сжимались в кулаки ощущая руль, оттягивался носок, вдавливая педаль газа. Просыпался со сведенной ногой. А потом заснуть не мог часами.

Dodge Chalanger была покрыта слоем пыли практически полностью скрывая ее цвет. Мощный, яркий аппарат, может уйти от кого угодно на дороге. И безумно красивый. О таком Макс и не мечтал.

Барт выудил из кармана ключи, пикнул сигналкой.

– Не торопись, – предупредил Макс, внимательно осмотрел машину снаружи, лег на пол осмотрел днище.

Барт скучал.

– Ты взрывчатку ищешь? Если бы кто-то подошел к машине, мне бы сразу донесли. Я с охранниками столько коньяка выпил, что они до сих пор коньяком пахнут.

– Людей можно купить, напугать, даже подменить человека можно.

– Ты очень подозрителен.

– Береженого Бог бережет.

– Поехали уже.

Макс все равно осмотрел салон и только после этого сел за руль.

Барт плюхнулся рядом.

– Ты прав, людей можно купить, напугать и что там еще?

Но с техникой по-другому.

– Технику тоже можно обмануть.

Макс сидел примерялся к машине, несмотря на аскетичный американский салон было очень комфортно. Прежде, чем завести, он представил, как это сделает. Смаковал момент.

– А на кого зарегистрирована машина? На тебя? – спросил Макс.

– Не, – отмахнулся Барт. – На российскую фирму, не связанную со мной почти никак.

Мотор бархатно зарычал. Макс аккуратно выехал из гаража и спокойно колесил по улицам, стремясь на трассу, благо недалеко до кольцевой

Макс ехал не уставая, пытался держаться в правилах дорожного движения, но эта машина была выше правил. И Макс вырывался из скоростного режима. На их удачу на дорогах полиции не было. Барт просто заставил Макс возвращаться.

Макс остановил машину у большого здания на Марата. Адрес назвал Барт. Парковочных мест, конечно не было.

– Поставь машину вторым рядом, – посоветовал американец. – Все в порядке. Это мне в России нравится – жизнь слишком коротка, чтобы искать свободную парковку в центре. Охрана банка не даст ее эвакуировать.

Около двери висела неприметная вывеска «Восточный Ривер Банк». Барт только кивнул охране, указывая на припаркованный почти посреди дороги шевроле.

Ячейку оформили на Макса. В целом, процесс оформления был похож на оплату квитанций. От Макса требовалось только изредка отвечать на вопросы.

А вот дальше началось голливудское кино. Ему вручили ключ – длинный стальной штырь с невероятно сложными бороздками. Дальше его с рюкзаком пригласили во внутреннее помещение банка. Открыли круглую дверь диаметром 2 метра. Внутри светлого помещения, по стенам которого располагались ряды ячеек они остались вдвоем с работником банка. Тот молча пригласил его к одной из самых больших дверей ячеек с двумя отверстиями для замка, и вста-

вил свой ключ. Макс понял, что его очередь. Они почти одновременно повернули ключи. Банкир тут же покинул помещение, предложив нажать кнопку вызова, как только Максим закончит.

Положив в стальной ящик свою шкатулку, Макс недоверчиво погляделся. Но в сейфе никого не было. Еще раз взглянув на камешки, он решительно захлопнул крышку ящика и нажал кнопку вызова.

Конечно, обмен древнего клада на договор и ключ с лазерной гравировкой не выглядело равноценным обменом, но он начал доверять Барту.

Только сели в машину, день рассыпался автоматной очередью.

«Пригнись!» – крикнул Макс и задним ходом дернул от банка.

Хлопали выстрелы, Макс показалось, что и их зацепило.

Макс юркнул в переулок и дал по газам. Через пару кварталов остановился. Смотрел в зеркало, нет за ними желающих их крови. Нет. Вроде, никого.

– Надежный банк, – повернулся он к Барту.

– Один из самых надежных, – прошептал Барт синими губами.

– С тобой все в порядке? – уточнил Макс и оглядел Барта. – Не зацепило?

– Нормально, если не считать стрельбы, – выдохнул Барт, он достал телефон и набрал номер. – Звоню своему персо-

нальному менеджеру из банка, – пояснил он Макс.

– Андрей, привет, это Барт. Да. Со мной все нормально.

Что у вас там случилось?

И слушал, наконец, нажал отбой.

– Нападение на инкассаторов. Один ранен. Нападавшие убиты.

– Ты не заметил ничего?

– Да, как стрельба началась, ты рявкнул, я молиться начал.

А молиться и что-то еще делать я не могу...

– Многие мочатся еще.

Барт тронул сидение.

– Не, сухо, – натянуто улыбнулся он.

Макс вышел, обошел машину.

– Зацепили твари.

– Не переживай. Не нас же. А машину починим.

– Что-то у нас часто неприятности стали случаться, до встречи с тобой, до меня не докапывался никто, не то чтобы стрелять. Ты просто – генератор неприятностей.

– Поверь, у меня тоже ничего похожего не было. Хотя общался я в разных кругах. Так что получается ни ты ни я не виноваты... – Барт задумался. – А не встреча ли это со шка-тулкой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.